

Альпийская Крепость

Богдан Сушинский

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Богдан Сушинский

Альпийская крепость

«ВЕЧЕ»

2015

Сушинский Б. И.

Альпийская крепость / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Секретный фарватер (Вече))

Новый военно-приключенческий роман известного писателя Богдана Сушинского посвящен событиям, связанным с одной из тайн Третьего рейха – попыткой создания в Альпах мощного укрепленного района, именуемого в секретных документах «Альпийской крепостью». Предполагалось, что Гитлер перенесет туда, в свою ставку «Бергхоф», рейхсканцелярию, чтобы возглавить последний рубеж обороны. Естественно, что ходом создания «Альпийской крепости» немедленно заинтересовались разведки противника, в частности США, чьи войска как раз и были нацелены на район Альп. Германская разведслужба СД во главе с бригадефюрером СС Шелленбергом развернула мощную дезинформационную кампанию, умышленно преувеличивая масштабы и темпы создания укрепрайона... Тематически роман «Альпийская крепость» связан с романом «Воскресший гарнизон».

© Сушинский Б. И., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Часть первая. У карты проигранных сражений	6
1	6
2	10
3	14
4	17
5	20
6	23
7	26
8	29
9	32
10	35
11	38
12	41
13	45
14	48
15	52
16	57
17	60
18	62
19	65
20	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Богдан Сушинский

Альпийская крепость

© Сушинский Б. И., 2015

© ООО «Издательство „Вече“», 2015

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2015

Часть первая. У карты проигранных сражений

Великие нации существуют лишь до тех пор, пока существуют великие возжди, которых сами же эти нации и сотворяют.

Богдан Сушинский

1

На фоне заснеженного хребта черные шпили замка Шварцбург смотрелись как-то по-особому неприветливо и мрачно. Плато, на котором он высился, было затеряно посреди извилистой горной долины и, словно мощной крепостной стеной, подковообразно окаймлялось лесистыми отрогами Баварских Альп.

Пилот с трудом сумел посадить машину в десяти километрах от замка, на полосу, которая еще только создавалась специально для «Альпийской крепости». Причем руководитель стройки обер-лейтенант Зонбах, «специалист по секретным аэродромам», как высокопарно отрекомендовал его перед вылетом Отто Скорцени, прямо предупредил пилота по рации: работы не завершены, садиться крайне опасно. Но когда летчик передал его слова командиру группы барону фон Штуберу, тот язвительно заявил:

– Передай своему Зонбаху, что на его аэродроме мы садимся по личному приказу Скорцени¹. И мы сделаем это, даже если ему придется выстилать посадочную полосу телами своих поднебесных гробокопателей.

– Оно, конечно, так... Но разбиваться-то нам, а не Зонбаху, – проворчал явно подрастерявшийся пилот.

– Только поэтому не стоит завидовать обер-лейтенанту, еще вчера умудрившемуся заверить первого диверсанта рейха, что будто бы секретная авиабаза «Альпийской крепости» готова, – невозмутимо «успокоил» его барон. – А пока что сделай еще пару кругов над замком. Хочу понять, что он собой представляет и прикинуть, как его лучше укреплять.

Пилот взглянул на Штубера, как на человека, который знает что-то такое, что не ведомо ему самому, и только поэтому, предельно низко пройдясь над опоясывающим замок небольшим крепостным двором, на крутом вираже вошел в окутанный легкой дымкой каньон, в конце которого и создавалась «полоса Зонбаха».

Шварцбург оказался классическим средневековым бургом², в центре его возвышался замок, напоминающий готический собор с тремя небольшими пристройками, а высокие крепостные стены были укреплены круглыми башнями, под красными черепичными крышами. И сам замок, и крепостной двор представляли в форме неровного треугольника, одна из плоскостей которого упиралась в неприступную отвесную скалу, а другая буквально висела над ущельем, западная часть которого завершалась черной, неприветливой чашей озера.

Третья сторона показалась обладателю этого горного пристанища слишком доступной, а значит, уязвимой, поэтому строители специально обрубали склон плато, расчленив его единственной крутой дорогой на два карьера, из камня которых и создавалась мрачная твердыня местного владетеля.

¹ События, предшествовавшие этому полету штурмбаннфюрера СС барона фон Штубера в создающуюся «Альпийскую крепость» («Alpenfestung»), описаны в моем романе «Воскресший гарнизон», который входит в многотомную эпопею «Война империй».

² «Бургами» в Европе именовались замки, обведенные крепостными стенами. Обычно под стенами «бургов» образовывались поселения, в наименованиях которых, как правило, содержалось окончание «бург» – Бранденбург, Магдебург...

Человек, возводивший свое родовое гнездо в этом горном ущелье, должен был обладать таким же крутым и нелюдимым характером, как и здешние скалы. Он отдавал себе отчет в том, что его бург восстает в глубине огромной горной страны, охватывавшей обширные районы Верхней Баварии, Австрии и Швабии. А потому, чувствуя себя защитником целого региона, он в то же время ощущал себя его полноправным, лишь номинально подчинявшимся кому-то из королей, феодальным правителем.

«Именно таким правителем будете чувствовать себя в этом замке и вы, барон фон Штубер, – сказал себе штурмбаннфюрер, окидывая прощальным взглядом небольшой водопад, ниспадавший у западной стены бурга. – Если только пилоту в самом деле удастся посадить этот самолет по телам поднебесных гробокопателей Зонбаха».

Пилот оказался настоящим асом. Он приземлялся, лавируя не только между какими-то временным постройками и выбоинами, но и между группами строителей, выскакивавших буквально из-под фюзеляжа его трофейного самолетика. И первым, кто по-настоящему высоко, в бутылку венского коньяка, оценил его мастерство, был сам Зонбах – коренастый сорокалетний крепыш, с лицом рыбака, безжалостно обожженным полярными ветрами, на котором очки казались бутафорским излишеством.

Недавно обер-лейтенант действительно поторопился доложить нетерпеливому, нахрапистому Скорцени, что секретный аэродром «Люфталпен-1» готов, не предполагая при этом, что обер-диверсант сразу же устроит ему проверку таким вот, неожиданным и воинственным десантом «фридентальских коршунов». Узнав, что Штубер назначен комендантом «Национального редута»,³ скромняга Зонбах тут же выразил уверенность, что теперь-то уж точно именно его, как создателя, и назначат комендантом «Люфталпена-1». И уже под эту должность вызвался лично доставить штурмбаннфюрера к стенам крепости на горно-егерской танкетке, а для его группы выделил грузовик.

– И кто же хозяин этой обители? – поинтересовался Штубер, когда на очередном изгибе дороги, точь-в-точь повторяющей изгибы горной речушки, вдаль проявились очертания Шварцбурга.

– Граф Эдвард фон Ленц, – ответил Зонбах. – Семидесяти пяти лет от роду. Неисправимый баварский сепаратист.

– Кто-кто... сепаратист?!

– Вы не ослышались, штурмбаннфюрер. Как это ни странно, баварский.

– Только из уважения, не заставляю повторять еще раз. Предпочитаю предаваться слуховым галлюцинациям.

– Не вы один предаетесь им в наши дни. Такие уж настали времена.

– Да, но... баварский сепаратист! Уму не постижимо! Нет, из истории я, конечно, помню, что в свое время Бавария тоже была независимым государством...

– И даже холила свою древнюю королевскую династию.

– Неужели до сих пор существуют люди, которые рассчитывают восстановить баварский трон?

– Как истинный баварец в двадцатом поколении, скажу, что с каждым днем их становится все больше.

Услышав это, Штубер отшатнулся, словно наткнулся на острие дуэльного клинка.

– Я не стану уточнять, принадлежите ли к этому кругу вы сами, обер-лейтенант.

– ...Что же касается графа фон Ленца, – тоже не стал касаться этой висельничной темы Зонбах, – то он принадлежит к тому же роду, из которого происходит последний король Бава-

³ В первых правительственных документах и в приказах командования «Альпийскую крепость» чаще всего называли именно так – «Национальным редутом», считая, что название «Альпийская» раскрывает место дислокации будущего укрепрайона.

рии Людвиг III. То есть документально засвидетельствовано, что он принадлежит к одной из ветвей баварской королевской династии Виттельсбахов⁴, древней и славной, как сама Бавария. Никто не сомневается, что после гибели Третьего рейха русские, англичане и американцы сделают все возможное, чтобы Австрия вновь обрела независимость. Не потому, что хотят возвысить Австрию, а потому, что хотят окончательно ослабить и унижить Германию.

– Страшные события вы предвещаете, Зонбах. А для Германии даже апокалипсические.

– Правдивые, а потому роковые, – отвечал командир поднебесных гробокопателей.

– Уже вижу лавины сепаратистских войск, волнами накатывающихся на последний оплот укрепрайона «Альпийская крепость»⁵ замок Шварцбург.

– Ни штурмующих «лавин», ни баварских королевских флагов под барабанную дробь не будет.

– Еще бы! – подергал левой щекой Штубер. Его добровольный адъютант фельдфебель Зебольд первым заметил, что привычка эта «благодарно позаимствована» у Скорцени. – Уже сейчас ясно, что всю военно-кровавую работу сепаратисты решили переложить на своих западных союзников.

– Прелесть ситуации в том и заключается, что они сами впряглись в эту работу, – с трудом искривил свои толстые, до крови потрескавшиеся губы Зонбах. Эту неприветливую улыбку на почерневшем от ветров и морозов лице Вилли Штубер называл про себя «эскимосской». – И в самой Вене, и в эмиграции формируется мощное ядро политиков, военных и промышленников, которые хоть завтра готовы объявить аншлюс формой оккупации независимой Австрии и вновь провозгласить ее независимость. Это ли не шанс для соседней Баварии вернуть себе статус монархического государства? Это ли не прецедент для не так уж давно потерявшего корону Мюнхена, чья элита давно мечтает одеть баварцев в мундиры своей национальной, баварской армии?

Штубер нервно повел подбородком, однако задумчиво промолчал. Веяния, которые раскрывал перед ним Зонбах, буквально выбивали барона из той военно-политической колеи, в которой он до сих пор пребывал. Какое возрождение баварского трона?! Какая оккупация Австрии?! И вообще, что здесь, черт возьми, происходит?! Рейх на грани гибели, со всех сторон враги. А здесь, в сердце «Альпийской крепости», всю созревают весенние гроздья сепаратизма. Действует ли здесь служба СД? А чем занимается в этих краях гестапо? Неужели и в этих службах все дружно бросились примерять «баварские мундиры»?!

Впрочем, возмущаться он мог, сколько угодно. Вот только есть ли смысл хвататься за пистолет? Что это даст? Вот почему, придерживаясь им же сформулированного разведывательно-диверсионного постулата: «Научись вести диалог с собственным молчанием!», Вилли спокойно, почти заискивающе поинтересовался:

– Уж не видится ли им среди претендентов на трон фельдмаршал Рупрехт?

– Оказывается, даже для вас это не такая уж неожиданность, – просияло лицо Зонбаха. Если только это коричневатое лицо «эскимоса» способно было просиять. – Ведь даже вы вспомнили, что фельдмаршал Рупрехт носит титул кронпринца Баварии, а значит, обладает реальными правами на трон⁶.

⁴ Виттельсбах – баварская королевская династия, представители которой правили с 1180 по 1918 г. Именно к ней принадлежал последний король Баварии Людвиг III (1845–1921), правивший в 1913–1918 годах.

⁵ Сам термин «Альпийская крепость» следует воспринимать, как название обширного укрепленного района, поскольку именно в таком виде и задумывали свою «крепость» руководство и военное командование рейха.

⁶ Имеется в виду кронпринц Баварии Рупрехт (1869–1955), который в 1914–1918 годах, то есть во времена Первой мировой, командовал вначале армией, а со временем и группой армий. В 1916 году он был удостоен чина генерал-фельдмаршала. Баварские сепаратисты всерьез рассматривали его как претендента на мюнхенский трон.

– Признаться, мне и в голову не приходило, что, благословляя нас на создание в Баварии «Альпийской крепости», фюрер не догадывается, что на самом деле пытается сотворить ее не на родине национал-социализма, а в самой вотчине баварских сепаратистов.

– Надеюсь, вы понимаете, что я просто обязан информировать вас как коменданта крепости о реальном положении вещей, – решил подстраховаться обер-лейтенант.

– Опираясь подобного рода информацией, я никогда не ссылаюсь на источники. Особенно в обществе старших офицеров СД и гестапо, – успокоил его штурмбаннфюрер.

2

Приглашая Скорцени на совещание, личный адъютант фюрера обергруппенфюрер СС Шауб по-дружески предупредил его, что речь пойдет об «Альпийской крепости». Гитлер не любил заранее извещать подчиненных о вопросах, которые будут затрагиваться в его монологах на собрании «рыцарей Вебельсберга», как он в последнее время предпочитал называть высших чинов СС. Возможно, потому и не извещал, что это развеивало бы эффект внезапности, на который фюрер всегда так уповал.

Вот почему, садясь в машину, которая должна была доставить его из «секретной квартиры СД», где он отсыпался после возвращения с плацдарма под Шведтом-на-Одере, обердиверсант задавался вопросом: почему вдруг Шауб допустил эту утечку информации? Только ли из уважения к нему, как «к лучшему диверсанту мира», как любил преподносить подобные «снисхождения» адъютант фюрера? Или же по просьбе самого Гитлера, который таким образом хотел подготовить своего личного агента по особым поручениям к тому, чтобы он мог поддержать идею «Национального редута».

Но тогда возникает вопрос: а кто позволит себе, кто посмеет эту идею не поддержать? Кто решится возражать фюреру?

Никогда не страдавший особым вольномыслием Кальтенбруннер как-то в сердцах обронил: «После покушения на него 20 июля, фюрер начал видеть заговоры даже там, где их никто и никогда не замыслил». Очевидно, с такой же предопределенностью Гитлер узревает теперь и оппозицию по любому из затрагиваемых им на переговорах вопросов. Но это уже из области эмоций, а что по существу?

Отдельные фортификационные работы на той территории, которая тогда еще называлась «Областью фюрера», велись еще с начала сорок четвертого года, а возможно, даже и с конца сорок третьего. Но тогда они воспринимались лишь как превентивные меры по укреплению района альпийской ставки фюрера «Бергхоф».

О превращении в неприступный укрепленный район «Альпийская крепость» огромных горных территорий речь тогда не шла. Впервые официально Гитлер заговорил о ней на тайном собрании Высших Посвященных СС в ритуальном замке СС Вебельсберг. Скорцени тогда впервые оказался в числе высших чинов СС, в числе не по чину избранных, которым позволено было участвовать в подобном собрании, и хорошо помнит, что прежде чем перейти к идее «Альпийской крепости», фюрер заговорил о другой несбывшейся мечте адептов СС – «Стране СС Франконии»⁷.

– ... В прошлый раз под сводами этого же зала мы говорили о Франконии. – Голос фюрера звучал с заунывной будничностью, но Скорцени уже знал, что на многих адептов СС гипнотически воздействует именно монотонность его речи. – Времени прошло немного, но оно оказалось безжалостным по отношению к нам и нашим идеям.

Гитлер выдержал натужную, томительную паузу, и когда всем уже казалось, что он попросту потерял нить мысли, вдруг ударил ребрами ладоней по столу, почти так же, как это обычно делал Эрнст Кальтенбруннер. Только у начальника Главного управления имперской безопасности рейха это всегда означало, что тема исчерпана или, наоборот, его собеседник слишком удалился от нее. А что означал этот жест решительности в сотворении фюрера?

«Очевидно, оно настало – то самое время „собирания камней“, когда каждый желает знать, какой из ранее коллективно разбросанных достанется теперь персонально ему, – попы-

⁷ Подробно об этом тайном совещании Высших Посвященных СС в замке «Вебельсберг» речь шла в романе «Странники войны». Здесь интерпретируется лишь фрагмент этого совещания, относящийся к созданию «Альпийской крепости», поскольку благодаря ему очерчиваются географические рамки этого грандиозно задуманного (но всего лишь задуманного!) укрепления.

тался мысленно истолковать его Скорцени. – Франкония, страна романтиков СС, как раз и является одним из таких камней».

– То, что вы сейчас услышите, не подлежит разглашению. Каждый из вас получит список присутствовавших, дабы вы помнили, что мной информирован именно этот круг людей. Сейчас нам уже не стоит рассчитывать на то, что идея создания Франконии может быть воплощена в жизнь на территории исторической земли Бургундии, как мы ранее планировали.

Даже Скорцени слышно было, как фюрер тяжело вздохнул. Мысленно он наверняка представил себе карту, которая всегда у него на рабочем столе и на которую только сегодня утром адъютант от вермахта⁸ нанес последние очертания линии фронта. Скорцени тоже помнил эти очертания по карте, имевшейся у него в кабинете, и понимал что там есть от чего прийти в уныние.

– Тем не менее, – все еще не унывал фюрер, – настало время, когда мы должны концентрировать наши лучшие силы СС, чтобы готовить к новому, решающему этапу борьбы. Намечено два пункта такого сбора. Первый из них – «Альпийская крепость». Да-да, вы не ослышались, именно так: «Альпийская крепость».

Словно бы по мановению факира, появился шеф-адъютант Буркдорф, развернул перед фюрером небольшую карту и, неслышно ступая, удалился. Прежде чем развить свою мысль, фюрер несколько минут сидел, молча уставившись в карту, словно видел ее впервые, затем медленно, по-школярски прошелся пальцем по очертаниям Альпийской Франконии.

– В общих чертах идея «Альпийского редута» нами уже обсуждалась. И даже предприняты усилия по созданию некоторых узловых пунктов его обороны, базирования и жизнеобеспечения. Но теперь настало время заняться им вплотную.

– Хотя можно смело утверждать, что лучшее время для этого давно упущено, – едва слышно прокомментировал Гиммлер.

«Кажется, идея уже обретает влиятельных противников», – мысленно ухмыльнулся обер-диверсант рейха. Только теперь он обратил внимание, что рейхсфюрер СС сидит не по правую руку от фюрера, как во время прошлого, обычного совещания, а в явном отдалении. Правда, он успел сместиться таким образом, что теперь располагался как раз напротив вождя. Лицом к лицу. В этом перемещении, очевидно, следовало усматривать некую кадрово-политическую символику. Однако «первому диверсанту рейха» некогда было заниматься ее толкованием.

– Задумывая создание «Альпийской крепости», – уже более вдохновенно вещал Гитлер, – мы исходили из нескольких факторов. Во-первых, она будет располагаться в самом центре Западной Европы, что позволит нам в трудные минуты поддерживать нужные связи с представителями многих стран, а также нашими сторонниками и агентами. Во-вторых, по площади этот огромный укрепленный район составит несколько десятков тысяч квадратных километров, а значит, довольно быстро может определиться, как новое, пусть даже временное естественно-государственное образование.

«Новое государственное образование?! – все так же, мысленно, воскликнул Скорцени. – Это он о чем? Мы слышим это от фюрера, который еще вчера готов был разжаловать и отправить на виселицу любого, кто поставит под сомнение непобедимость Третьего рейха?!»

Приблизительно так же отреагировали на этот пассаж фюрера и все остальные Высшие Посвященные СС. Тем не менее в зале воцарилась такая же напряженная тишина, как во время недавнего, уже здесь, в замке, произведенного медиумического сеанса вождя. Только сидевший чуть впереди Розенберга командир дивизии СС «Адольф Гитлер» бригадфюрер Вильгельм Монке⁹ нервно поерзал на своем стуле. Один из немногих генералов, удостоенных Золотого

⁸ В личном штабе фюрера были представители родов войск, которые считались адъютантами, поддерживали связь между его канцелярией и штабами своих войск, выступали в роли консультантов фюрера.

⁹ Бригадфюрер СС Вильгельм Монке вошел в историю рейха как один из наиболее убежденных и преданных фюреру нацистов. В апреле 1945 года, когда весь оставшийся в столице в распоряжении Гитлера генералитет пребывал в крайней

Креста, командир ударного отряда СС, он имел право демонстрировать особую встревоженность и ответственность за судьбу черного легиона Германии. Правда, сейчас его полкам, сражающимся против англо-американцев на Западном фронте было нелегко. Но ведь и бросали-то их всегда на те участки, где приходилось особенно туго.

– «Альпийская крепость», – вознесся фюрер на вершину своей вдохновенности, – создается нами с учетом того, что ее естественными границами станут мощные горные массивы. На востоке – это горная система Нидер Тауерн; с запада, за небольшой грядой, мы получаем естественного союзника в лице нейтральной Швейцарии; на севере определились по горной системе Баварских, на юге – Карнийских и Далматинских Альп. Таким образом наша Альпийская Франкония будет включать в себя части исторических территорий Германии, Австрии и Италии. Столицей этого СС-рейха станет Берхтесгаден, штаб-квартирой штаба Верховного главнокомандования сухопутных войск – замок Орлиное Гнездо с его мощными подземными сооружениями, который к тому времени будет расширен, укреплен и усилен средствами противовоздушной обороны.

* * *

Присутствующие молчали. Однако Скорцени показалось, что в душе каждому из них вдруг захотелось поскорее оказаться за валами этого редута, как ополченцам, сражающимся на подступах к «своей» крепости, – за ее стенами. Вот только открывать перед ними ворота никто не собирался. Слишком уж зыбким и недолговечным оказывался каждый новый рубеж, на котором пытались удерживаться редеющие германские дивизии.

– Мною уже отдан приказ о создании на территории Альпийской Франконии запасов продовольствия. Началось строительство подземных ангаров для авиации. Целые горы будут превращены нами в естественные доты. Пещеры и штольни станут идеальными укрытиями и бомбоубежищами. Туда же будут перенесены лаборатории и конструкторские бюро, занимающиеся созданием сверхсекретного и сверхмощного оружия, способного истреблять врагов целыми корпсумами и даже полевыми армиями.

«Что весьма перспективно, – мрачно согласился с ним Скорцени, – если, конечно, забыть, что истреблять их придется уже на территории Германии».

Обер-диверсант знал, что речь идет о «Фау», которые будут начинены зарядами, взрывная сила коих основывается на мощи ядерных реакций. Его агентура, сумевшая проникнуть в круг людей, близких к конструктору «Фау» Вернеру фон Брауну, – увы, подобным шпионским способом приходится добывать сведения не только о противнике! – уже доносила, что при создании этого оружия планируется использовать новейшие разработки «отца ракетчиков», соединяя их со сверхсекретными разработками профессора фон Гейзенберга и нескольких его учеников, вплотную занимающихся проблемой расщепления атома.

Но знал Скорцени и то, что такие же исследования ведутся сейчас в Соединенных Штатах, Англии и наверняка в России. Способна ли будет Альпийская Франкония с ее ограниченными запасами сырья, научно-технических и людских ресурсов, соревноваться с Америкой и Россией? Достаточно ли точно взвесил фюрер возможности столь усеченного рейха?

– При должной подготовке, – упорствовал в своих убеждениях фюрер, – «Альпийская крепость» способна в течение достаточно долгого времени оставаться неприступной. Действия танковых групп противника будут крайне ограничены, налеты авиации – малоэффективными,

растерянности, он, едва оправившись после ранения, сам предложил себя фюреру в качестве командира последней группы войск, защищавших правительственные кварталы. В мае 1945 года Монке оказался в советском плену. Его показания на допросах во многом помогли пролить свет на последние дни подземной ставки фюрера.

поскольку мы будем обладать недоступными для ее ударов горными бункерами, да к тому же – мощной противотанковой обороной.

Гитлер вдруг сорвал голос, засипел и, прокашливаясь, потянулся к стакану воды, разбавленной содой. Поправляясь после простуды, он пил только содовую, «постепенно при этом, – как пошутил кто-то из приближенных, – американизируясь».

– Возможно, возможно... – проворчал бригадефюрер Монке, воспользовавшись этой заминкой. – Все зависит от того, как эта оборона будет построена и вообще успеют ли ее возвести.

– В обычных же, наземных, боях враг станет нести огромные потери, – проигнорировал его комментарий Гитлер. – Но главное заключается не в нашей мощи, а в слабости врага. Соприкоснувшись на территории Германии, бывшие временные союзники мигом окажутся теми, кем они являются на самом деле – непримиримыми врагами.

«А ведь фюрер впервые столь откровенно заговорил о возможном поражении Германии, – отметил про себя Скорцени. – Мало того, он говорит о поражении рейха почти как о свершившемся факте».

– ...И тогда англо-американцы наконец поймут, что у них есть только одна сила, способная по-настоящему противостоять русско-азиатским ордам, – это Германия. Кстати, на нашем совещании присутствует гаулейтер Тироля, ветеран национал-социалистического движения Франц Гофер...

3

Доброотно выстроенный, «семейный», как его называли, пансионат «Горный приют» всегда казался настолько удаленным от мирских забот и таким идиллически умиротворенным, что поначалу резидент Управления стратегических служб США в Швейцарии Аллен Даллес¹⁰ всерьез задумывался: а не приобрести ли сразу же после войны этот пансионат в частное владение? Или хотя бы на год-второй поселиться в его «нагорном» крыле, чтобы основательно отдохнуть от всего этого безумного, войной и кровью зараженного мира.

Возведенный на просторном взгорье, трехэтажный «Горный приют» был спроектирован как бы в трех уровнях, при которых только центральная часть его заложена была на плато и с тыльной стороны которой разместились все хозяйственные пристройки, в то время как низинное, «луговое», крыло покоилось на высоком фундаменте посреди луга, и буквально зависало над ущельем, а «нагорное» пристроилось на искусственно расширенном горном уступе, на изгибе хребта. Так что из окон люкса, на круглый год, на подставное лицо, арендованного советником американского посольства Алленом Даллесом, открывался прекрасный вид на усеянную аккуратными особнячками горную долину, рассекаемую пастельно запечатленной кистью природы медлительной речушкой.

Хозяин пансионата «сербо-итальянец Ангел Бош из Триеста», как он обычно называл себя, заслужил уважение тем, что принципиально не желал ничего знать о происхождении и роде занятий своих постояльцев. Любого, кто поселялся у него во второй и последующие разы, воспринимал как члена своей семьи, номера сдавал не менее чем на месяц, делая при этом скидки за каждые последующие три месяца. Причем цены были вполне приемлемыми, а хозяин даже не скрывал, что благополучием своим обязан чему угодно, только не этому скромному заведению.

По существу, лишь Даллес знал, что на самом деле «Горный приют», точнее, его, имеющее отдельный вход, «нагорное» крыло, является центральной европейской базой Управления стратегических служб США, где любой пробравшийся в Швейцарию агент – «подкрышный» или нелегал – мог отдышаться, сменить документы и имидж, получить билет в США или, вместе с очередной легендой, – в последующую страну обитания.

«Да, вокруг все еще полыхает война, – лично встречал каждого солидного поселенца Бош, – но ведь освященная всеми религиями мира Швейцария, слава богу, не воюет. Поэтому, где всяк ищущий покоя может обрести его, как не в Швейцарии? А куда всяк добравшемуся до вождельной Швейцарии податься, как не в „Горный приют“ старого сербо-итальянца Ангела Боша из Триеста?».

Теперь уже для Даллеса не было тайной, что на самом деле пятидесятипятилетний добряк Бош «держал» торговлю оружием и наркотиками во всех балканских странах и регионах, но и это «торговое ремесло» представляло всего лишь невинным прикрытием, поскольку основным его занятием было «умиротворение Балкан», которого он достигал, создавая в каждом из краев этого региона команды профессиональных наемников – убийц и шантажистов, – основная часть которых была выкуплена помощниками Боша у полиции, мафии или повстанцев буквально из-под виселицы, расстрела или ножа в спину.

Но это теперь данные сведения никакой тайны для Аллена не составляли. А полтора года назад, обосновываясь в своем Нагорном крыле, он понятия не имел о корнях благополучия

¹⁰ Речь идет о том самом Аллене Даллесе, будущем многолетнем шефе Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США, который в годы Второй мировой возглавлял американскую разведывательную резидентуру Управления стратегических служб (УСС, предшественника ЦРУ) в Европе.

Боша из Триеста. Когда же стали всплывать подробности, хозяин приюта каким-то образом сразу же учуял недоброе и поспешил успокоить своего постояльца:

«Да, господин Даллес, да! Каждый устраивает свой мир, как может и как его, мир этот, понимает. Так вот, Ангел Бош, – он всегда говорил о себе в третьем лице, – понимает его так, как понимает. Зато в любое время вы можете обратиться к добряку Бошу за помощью и советом, а возможно, и за спасением. Да, и спасением – тоже. Помня при этом, что более надежного человека у вас нет. А чтобы вы не сомневались в этом, вот ключ от тайной двери, ведущей из подвала вашего крыла в подземелье, а оттуда – в подземный ход, который приводит к Пастушьему гроту на той стороне горы. Да-да, туда, где на выкупленной Ангелом Бошем земле расположена его овечья ферма. Ваш радист может выдавать себя за одного из моих пастухов, а рацию прятать в тайнике подземелья. Об оплате за эти услуги договоримся отдельно».

Даллеса так и прорывало артистически воскликнуть: «Какой радист?! Какая рация?! Вы о чем это, господин Бош?!», однако у него хватило благоразумия не устраивать этот спектакль.

«Когда возникнет такая необходимость, я вспомню о вашей любезности, господин Кровавый Божич», – впервые употребил он прозвище Божича, каковой была настоящая фамилия Боша, известное лишь очень узкому кругу его друзей и недругов.

«Она возникнет, можете не сомневаться», – спокойно, с неизменной улыбкой доброго, щедрого дядюшки отреагировал Бош на это разоблачение. Но Даллес уже знал свойство натуры Кровавого Божича: чем жестче и неотвратимее становились его намерения, тем мягче и успокоительнее казалась его улыбка.

Всегда старательно выбритый, затянутый в корсетный жилет, который с трудом, но все же придавал его гороподобному телу хоть какие-то более или менее приемлемые очертания, этот Гаргантюа всегда хранил улыбку добряка, как раз и навсегда сросшуюся с его лицом ритуальную маску. Теперь уже Даллес не сомневался, что приговаривал и казнил своих жертв Ангел Бош, он же Кровавый Божич или Кровавый Ангел, с этой же ангельской улыбкой старого добряка.

А ведь до того разговора Даллес был уверен, что Бош представления не имеет о том, кто прижился в Нагорном крыле его пансионата. Как постепенно выяснялось, в мелких, «уличных», разборках Бош участия не принимал, он выдерживал уровень клиентуры; у его империи была своя разведка и контрразведка, о мощи которой можно было судить хотя бы по частной охране самого пансионата. К тому же все эти сведения о Ангеле Боше ни Аллен, ни кто-либо из осведомленных проверять не собирався, все спасительно полагались на данные местной полиции, из досье которой «сербо-итальянец Ангел Бош из Триеста» представал безобидным, добропорядочным гражданином Швейцарии.

Если же кто-либо из полицейских или офицеров швейцарской контрразведки пытался усомниться в этом, то сразу же «разочаровывался в жизни и, находясь в стадии сильнейшего возбуждения», как писали потом в своих заключениях медики и коллеги безвременно ушедшего, кончал жизнь самоубийством. Причем, как это ни странно, всегда одним и тем же способом – бросался с моста на окраине пригородного поселка, на каменистый порог реки. Не зря же после третьего такого броска за мостом прочно закрепилось прозвище «Полицай-Голгофа».

Испанского подданного, пытавшегося общаться с приветливым хозяином на языке Сервантеса, облагороженном неискоренимым американским акцентом, Бош тоже встретил весьма приветливо, но, проговаривая свою коронную фразу на чистом испанском, буквально просверливал пришельца взглядом.

– Вы правильно сделали, что решили прийти к старому Ангелу Бошу из Триеста, дон Чигарро. Где еще в этой стране вы будете чувствовать себя столь уютно и защищенно, как в «Горном приюте», под отцовской опекой старого Боша? А главное, где еще вы провели бы столько времени в непринужденных беседах с моим лучшим другом мистером Даллесом.

– Разве я упоминал имя вашего друга? – вскинул брови дон Чигарро.

– Достаточно того, что я вежливо упомянул имя вашего подчиненного, сэр, – велико-светски склонил голову Бош, лично подавая новоявленному идадьго ключ от одного из номеров в Нагорном крыле.

4

При въезде на плато Штубер приказал Зебольду и прибывшим вместе с ним на самолете десяти выпускникам «Фридентальской школы» оставить машину и, рассыпавшись строем, повести на замок Шварцбург учебную атаку.

Зебольд уже дважды повторил приказ командира, тем не менее «фридентальские коршуны» продолжали топтаться у дороги, с недоверием и опаской поглядывая на слегка присыпанные снегом каменистые склоны возвышенности, словно бы не понимали, чего от них хотят. Впрочем, они действительно не понимали, считая, что этот офицер из диверсионного отдела СД всего лишь пытается проэкзаменовать их навыки скалолазания.

– Рассредоточьтесь и постарайтесь подняться к стенам замка, – объяснил свой замысел штурмбаннфюрер. – Все пути, по которым несложно пробиться наверх, обозначьте каменными пирамидками, чтобы затем их можно было заминировать. Раз прошли вы, пройдут и враги.

Только теперь до молодых «фридентальских коршунов», каждый из которых, по традиции, получил во Фридентале чин унтер-офицера (если только до этого он не имел офицерского чина), дошла суть замысла коменданта крепости, и они, выкриками подбадривая друг друга, словно выпущенные на волю рысаки, ринулись на склоны.

Оставив Вечного Фельдфебеля созерцать их карабканье, Штубер вернулся в танкетку и приказал водителю двигаться дальше, к воротам замка. Они уже были открыты. Весь гарнизон, состоявший из пятнадцати альпийских стрелков во главе с лейтенантом Торнартом, построился на предвратной площади замка с такой торжественностью, словно удостоился чести приветствовать фельдмаршала.

Прервав на полуслове доклад лейтенанта, Штубер скептически осмотрел его воинство. Все как один худощавые, чтобы не сказать тощие, в возрасте под пятьдесят и лишенные какой-либо военной выправки, они производили грустное впечатление. Не нужно было заглядывать в их послужные карточки, чтобы убедиться, что на самом деле все эти «альпийские стрелки» еще недавно были заурядными альпийскими пастухами. Исключение составлял разве что сам Торнарт – моложавый, холеный, с не в меру располневшими плечами. Будь он чуть повыше ростом и поаккуратнее в талии – вполне мог бы сойти за бывшего циркового борца.

Лишь освободив гарнизон от инспекции, Штубер заметил в сторонке, на смотровой площадке полукруглой замковой башни, рослого, костлявого старика, облаченного, как это ни странно, в офицерский мундир вермахта.

– А вот и сам комендант Шварцбурга, – потянулся Зонбах к плечу Вилли. – Граф Эдвард фон Ленц.

– Разве комендантом здесь является не лейтенант Торнарт?

– Во время встречи с гаулейтером Хофером, командующим войсками безопасности в приграничных районах Баварии, граф настоял, чтобы комендантом официально был назначен он сам, как полковник в отставке. Хофер согласился, памятуя, что весь этот гарнизон «альпийских стрелков», набранных из непригодных к военной службе работников всех шести поместий графа, он, по существу, содержит за свой счет. В том числе и лейтенанта горно-стрелковых войск Торнарта, прикомандированного сюда самим гаулейтером в роли начальника гарнизона.

– Не догадывался, что в рейхе все еще существуют частные войска. Почему бы графу не сформировать свой полк придворной гвардии?

– В реальности все не так. Все эти горцы, как и сам граф, числятся служащими благословенной армии резерва.

– То, что комендантом бурга назначен сам граф, явно усложнит нашу с вами задачу, – признал Штубер. – Но не настолько, чтобы она стала невыполнимой. Даже если при этом пол-

ковника фон Ленца придется разжаловать до рядового, – иронично взглянул на стоявшего в двух шагах от них Торнарта.

– Граф достаточно воспитан, чтобы не вмешиваться в дела гарнизона, – поспешил заверить его лейтенант.

– В этом его спасение.

Штубер приблизился к графу, отдав честь, представился как комендант «Альпийской крепости» и спросил, не возражает ли господин полковник, как комендант замка, против того, чтобы штаб коменданта временно расположился «во вверенном ему бурге».

– Думаю, обер-лейтенант объяснил вам, с кем вы имеете дело в действительности, господин э-э... – замялся он, затрудняясь определить эсэсовский чин Штубера.

– Объяснил, – не стал подсказывать ему Вилли. – В то же время Скорцени сообщил, что вы предупреждены о моем визите.

– Можно лишь сожалеть, что не прибыл сам обер-диверсант рейха. Как всякий истинный австриец, он обожает Альпы.

– В том числе и Баварские?

– Мой дед когда-то мечтал о том дне, когда под одной короной будут собраны все альпийские земли.

– Похвальные мечты. Тем не менее не сожалейте. В рейхе это не принято. Так уж повелось, что сожалеть начинают после того, как обер-диверсант рейха совершает свой визит, который для многих врагов рейха заканчивается арестом и виселицей тюрьмы Плетцензее, – мягко, с предельной вежливостью объяснил граф. – Достаточно вспомнить о разгроме гнезда заговорщиков в штабе армии резерва, под крылом генералов Фромма и Ольбрихта.

Метнув взгляд в сторону обер-лейтенанта, граф вычитал в его глазах: «А вот это уж лишнее!». И Зонбах был прав. Но, переведя взгляд на графа, обратил внимание, что беспардонный намек на то, что центр заговора 20 июля находился в штабе «родной» ему армии резерва, никаких особых эмоций у того не вызвал. Наоборот, реакция его оказалась неожиданной:

– Я догадываюсь, о чем вы думали, отмахиваясь от доклада лейтенанта Торнарта. Что англо-американцы, движущиеся в направлении Альп со стороны Франции, просто дураки. Им достаточно было выбросить на плато роту своих коммандос, чтобы захватить Шварцбург, превратив его в мощный плацдарм для развертывания своих диверсионных отрядов в тылу наших войск.

– Теперь я понимаю, что думал явно не о том, о чем обязан был думать комендант альпийского укрепрайона. Вы правы, полковник. К счастью, русским сюда пока что не дотянуться. Что же касается наших западных противников, то они явно недооценивают диверсионно-партизанские методы войны, иначе давно создали бы в этих горах десятки горных разведывательно-диверсионных плацдармов. Учитывая при этом сепаратистские настроения некоторой части баварских «запасников» и дезертиров. Словом, сегодня же извещу Скорцени, что включаю вас в свой штаб.

При упоминании о сепаратистски настроенных «запасниках» и дезертирах, граф высокомерно взглянул на Зонбаха, только теперь заподозрив что-то неладное, однако обер-лейтенант сделал вид, что внимательно осматривает прилегающие к стенам замка заледенелые скалы. С ответом он не торопился только потому, что определялся с формой реакции. И опять она оказалась неожиданной:

– Мне не хотелось бы дожить до того дня, когда бои пойдут под стенами Шварцбурга, – явно взгрустнул граф, опять избегая темы сепаратизма.

– А напрасно. Должно же наступить время, когда замок графа фон Ленца наконец-то по-настоящему заявит о себе как альпийская твердыня. К тому же находящаяся под командованием его наследственного владельца. Кстати, приходилось ли когда-либо его обитателям выдерживать настоящую осаду?

– Два штурма местных бунтовщиков и несколько атак горных разбойников, которые так и не сумели ворваться в замок. Когда в долине появился один из полков Бонапарта, мой предок приказал пушкарям замка зачехлить свои орудия и лично вышел на переговоры с полковником, только вместо ключей от ворот в руках у него была бутылка «Бордо». Для офицеров он устроил прием, а солдатам позволил спокойно развести костры на берегу озера.

– Любопытная тактика, – по-крестьянски почесал подбородок Штубер. – Оч-чень любопытная.

Он хотел добавить еще что-то, но в это время рядом появился фельдфебель Зебольд. Он доложил, что его «фридентальские скалолазы» прощупали склоны и обнаружили три условных тропы, которые Штубер тут же приказал заминировать, а на вершине каждой из них выстроить каменные гнезда с бойницами для стрелков. Два таких же дзота он приказал сотворить на плато по обе стороны дороги.

– От казни за предательство, – вернулся он к милой беседе с графом, – вашего предка, очевидно, спасло только то, что он принадлежал к королевской семье?

– От казни?! С какой стати, барон?! Наоборот, он был награжден за то, что своим гостеприимством и дипломатией на трое суток задержал полк, которого французский генерал безнадежно дожидался под стенами настоящей крепости в пятидесяти километрах отсюда, но в другой долине.

Смех, которым разразился после этих слов Штубер, вызвал у графа искреннее недоразумение, дескать, что в этом смешного?

– И я так понял, что опыт своего предка вы намерены использовать и во время появления здесь заблудившего полка американцев?

Граф снисходительно, сверху вниз, осмотрел офицера службы безопасности и процедил:

– Не исключено.

– Смелый ответ.

– Мы, Ленцы, всегда руководствовались суровыми обстоятельствами, а не высокопарными эмоциями.

«Что ж, – в том же тоне, только уже про себя, процедил Штубер, – будем считать, что с комендантом нам явно „повезло“». А в слух произнес:

– Позволю себе, на всякий случай, напомнить, граф фон Ленц, что с представлениями к наградам у «гестаповского Мюллера» всегда было туговато. К виселице представить – это пожалуйста!

5

Их любовные встречи в мастерской Ореста напоминали свидания не ко времени впавших в библейский грех подростков. Софи никогда так, сразу, не входила в это святилище иконописца¹¹, а какое-то время наблюдала за его работой, стоя у двери, как бы прячась за незавершенной статуей «Святой Девы Марии Подольской», затем подходила все ближе, а заканчивалось тем, что, захватив ее в плен, словно половец зазевавшуюся пастушку-славянку, Гораш – эта, не ведающая предела сил своих гора мышц. – брал ее, терзал, безжалостно насиловал прямо на своем «эскизном» столе, среди несовершенных ликов будущих святых великомучеников и бранных телес прекрасных блудниц.

Но даже в эти минуты сексуального блаженства мерцающее сознание Софи выхватывало из растворяющейся в эротическом бреде реальности одно из последних полотен Ореста: «Распятие пленника перед каменным „Распятием Христа“», «Могильную жатву», при которой босой, без ремня, в расстегнутой, распушенной гимнастерке солдат выкашивает поле колосющихся армейских крестов с напыленных на них касками; «Непорочное зачатие обреченной» – в которой отделение солдат жизнерадостно насилует девчушку-партизанку под наброшенной на сук цветущей вишни петлей...

– Вы божественно талантливы, Огест! – как всегда в моменты сильного волнения Софи начинала «гаркавить» и говорить с четко улавливаемым прононсом, на французский манер великосветских одесских «барышень». – Вы неподражаемо мудры и талантливы, мой непостижимо возвышенный... – томно произносила она в такт движениям тела мужчины, при которых вся она двигалась вместе с кипой набросков и зарисовок, вместе со столом и, казалось, со всем флигелем замка Штубербург, родового ристалища баронов фон Штуберов. – О нет, XX столетие уже не породит более одаренного мастера кисти и резца, нежели вы, мой неподражаемый творец, мой Огест!

Этого мужчину, дарящего ей в минуты экстаза какую-то завораживающую, сугубо женскую боль, она обожала куда меньше, нежели его непостижимые по своему сюжету и психологизму образов полотна; а его лошадиной неутомимостью и бычьей грубостью восхищалась куда меньше, нежели утонченностью лика его «Девы Марии Подольской», сотворенной им почти в трех десятках вариантов. Так уж получалось, что его от природы безмерная и бесформенная фигура привлекала Софи куда меньше, нежели утонченность линий тех Иисусов, которых он так щедро и безжалостно, но в то же время так мастерски распинал на своих «распятиях»...

Но Софи, как никто в этом вечно воюющем, залитом кровью мире, отдавала себе отчет в том, с каким воистину гениальным человеком свела ее судьба. И чем бы она сама ни занималась на выжженных и предельно очерстевших полях войны, высшее призвание ее на земле этой грешной – спасти блистательнейшего из мастеров; поддержать, возвысить, разбередить его все еще дремлющий талант, восславить и увековечить его скульптуры, иконы и полотна.

Ему нужна была женщина, поэтому Софи, отбрасывая какое бы то ни было сентиментальное копание в своих чувствах, становилась его женщиной, его наложницей, воплощением его самых развратных фантазий. Ему нужна была заступница, и Софи использовала все свое желание, все свои возможности, чтобы спасти его, вырвать из подземелий «Регенвурмлагеря», перехватить на пороге газовой камеры или «Лаборатории призраков», плодящей зомби-рабов и зомби-воинов. Ему нужен был меценат и толкователь его творений, поэтому Софи добилась, чтобы отставной генерал фон Штубер приютил Ореста Гордаша со всеми его статуями и

¹¹ С образами иконописца Ореста и его поклонницы и покровительницы, обер-лейтенанта абвера, профессиональной разведчицы Софи Жернилки (Софи Жерницкой), с их судьбами, читатели имели возможность познакомиться на страницах романа «Воскресший гарнизон».

набросками, выделил под мастерскую один из флигелей замка, наделил едой, защитой и крышей над головой...

– Эти ваши полотна, Орест!. Они стоят кисти выдающихся мастеров Средневековья... Поскорее бы закончилась война, и самые лучшие музеи мира, самые известные картинные галереи, аукционы и выставочные залы почтут за честь...

С трудом ублажив свою неукротимую страсть и какую-то необъяснимую, инстинктивную ярость, Орест, так и не проронив ни слова, оставлял растерзанную женщину посреди стола и, как ни в чем не бывало, возвращался к мольберту.

Любую другую женщину это холодное безразличие повергло бы в уныние, но только не Софи. Да и появилась она в мастерской мэтра не в поисках нежных слов и мужских ласк. Для утонченных плотских утех существуют столь же чувственно-утонченные, истосковавшиеся по женским ласкам мужчины. Она же пришла сюда ради нового полотна, которое еще только зарождается. Солдат возвращается домой по дороге, выходящей на склон горы, уводящей куда-то в поднебесье, при этом в каждой придорожной иве видится ему образ бегущей навстречу матери, жены, дочери или сестренки... – и так до подпирающих небо черных дымарей пожарщ, оставшихся на месте сожженного карателями села.

Софи обратила внимание, что теперь уже в полотнах Ореста почти отсутствовали национальные определения. Солдат – это просто... солдат, человек войны; Мать – просто мать каждого из тех солдат, которых обстоятельства разбросали по полям войны... Общечеловеческое видение, вселенское понимание людского горя как высшей морально-этической, христианской субстанции – вот то, что определяло тематическую канву большинства произведений этого периода творчества талантливейшего мастера...

При взгляде на любое полотно Ореста она тотчас же принималась мысленно толковать его сюжет, его зрительный ряд, его смысловые подтексты, причем делала это с таким вдохновением, словно стояла посреди Лувра, перед ведущими искусствоведами мира. «Перед вами, господа, еще одно полотно мастера Ореста, созданное в подземельях „Регенвурмлагеря“ кистью человека, прошедшего через все круги войны и рождавшего свои сюжеты между пылающей печью крематория и вакантным гробом зомби-морга сатанинской „Лаборатории призраков“»...

– Обер-лейтенант Софи, – не отрывая взгляда от одного из уже завершенных полотен, она по голосу узнала медлительного, престарелого капитана Ферна, ординарца генерала фон Штубера. – Вас просят к телефону. Полковник Ведлинг. Как всегда взволнован.

– Когда мужчины просят меня, капитан, они всегда жутко волнуются, – мило улыбнулась Софи.

У капитана была странная привычка: он преднамеренно оставался на пути Софи, пока она буквально не натыкалась на него, и только потом чуть отступал в сторону. В его коренастой фигуре еще улавливались отзвуки былой лихости, но, катастрофически быстро стареющий, теряющий свой облик в густом плетении морщин и несуразно лысеющий, он уже не способен был производить какого-либо впечатления на женщин. Единственным, что еще хоть как-то определяло его статус, оставался мундир вермахта со знаками различия капитана, которым он гордился, как своим последним мужским атрибутом.

Поначалу Софи несколько раз пыталась приучить его к обращению «герр Ферн», однако ординарец барона-генерала всякий раз вежливо поправлял ее: «Капитан Ферн», обер-лейтенант Софи; впредь только так: «капитан Ферн». При этом он всегда обращался к ней, присоединяя к чину не фамилию, а имя: «обер-лейтенант Софи».

Как бы там ни было, а Софи все еще деликатно флиртовала с Ферном, всегда помня о том, что впечатление о ней генерала Штубера прежде всего будет зависеть от мнения капитана, который был для него и ординарцем, и денщиком, и дворецким, и просто сослуживцем, при

том, что в любой из этих ипостасей относился к генералу, как к своему случайно «дослужившемуся» воспитаннику.

И флирт этот постепенно оправдывал себя. Капитан уже дважды заставлял ее «сексуально распятой» на эскизном столе мастера Ореста, однако, деликатно ретируясь, скрывал это разоблачение от генерала. Софи улавливала это по поведению барона Карла фон Штубера: скрывал! И это спасало Софи. Дело в том, что с самого начала генерал воспринял ее, как невесту Вилли. В этом он убедил себя еще во время ее первого посещения замка Штубербург. Поэтому, когда Софи прибыла сюда вместе с художником Орестом Гордашем, генерал воспринял это со вполне понятной отцовской ревностью и подозрительностью. Софи даже стала замечать, что генерал начинает исподволь следить за ней.

Все это так, но в то же время барон Карл фон Штубер и сам несколько раз страстно порывался обнимать ее за талию. Жерници понимала, что сексуальный сумбур, возникающий в голове несостоявшегося свекра, но вполне состоявшегося и довольно состоятельного владельца родового замка, крайне опасен для их сосуществования под одной крышей, и ждала момента, чтобы как-то упредить назревающий конфликт. А пока что была признательна капитану за его умение тактично умалчивать то, что разглашению в стенах замка никак не подлежало.

– Так чего жаждет полковник Ведлинг, капитан?

– Сказал, что вас ждет приятная командировка.

– И больше ничего? Никаких иных слов? Ничего не просил передать мне, пусть даже полшутя?

– Ничего больше, – не понятна была капитану настойчивость ее вопросов. – Очевидно, для того и сказал, чтобы я охотнее разыскивал вас, обер-лейтенант Софи, в недрах замка.

– Коварность всех полковников мира общеизвестна.

Как-то Софи сказала Ведлингу: «Жизнь разведчика полна вселенских курьезов, господин полковник, об этом можно судить хотя бы по судьбе моего бывшего шефа адмирала Канариса».

«До сих пор не верю в то, что адмирал Канарис – сам адмирал Канарис! – мог предпринять что-либо такое...», – начал было изощряться Ведлинг, однако Софи прервала его: «В отношении адмирала мы с вами такие же единомышленники, как и во всех остальных взглядах на судьбы рейха. Поэтому не считите за труд: если вдруг почувствуете, что кому-то захочется отправить старую абверовку Софи Жерници в тюремную камеру к адмиралу, наметните ей об этом фразой: „Вы по-прежнему дороги мне, обер-лейтенант Жерници“. Как угодно: по телефону, если от вас потребуют вызвать меня для ареста, или в присутствии нашей с вами общей любимицы Инги, но обязательно наметните. На ту же фразу, вместе с воздушным поцелуем, обещаю расщедриться в трудную для вас минуту и я, господин полковник».

Теперь всякий раз, когда ей сообщали о звонке Ведлинга, она прежде всего пыталась выяснить, не произнесена ли была именно эта безобидная фраза.

6

Не дожидаясь, пока фюрер предоставит ему слово или хотя бы закончит представление, гаулейтер Тироля Франц Гофер поднялся и, нервно одернув полы френча, неожиданно высоким, фальцетным голосом произнес:

– Да, мои товарищи по партии, я предложил фюреру создать в горах Тироля неприступный редут. И считаю, что поступил правильно, как велят обычаи и традиции воинственных тирольтцев.

Седой, сутулый, Гофер напоминал не ко времени состарившегося тирольского пастуха, которому чуждо было само понятие армейской службы и на которого только сегодня утром напялили эсэсовскую форму. Чувствовал себя в ней Франц, как сельский пастор – в костюме Отелло на подмостках бродячего театра.

Услышав это заявление, Гитлер откинулся на спинку кресла и нервно забарабанил пальцами по столу. Гофер допустил серьезную ошибку, о которой пока что даже не догадывался – он помешал фюреру выдать идею Альпийской Франконии за свою собственную. Тем более что идея создания «Альпийской крепости» как таковой Гоферу тоже не принадлежит. По опыту совещаний у фюрера Скорцени знал, что подобной оплошности тот не прощает.

– Горцы будут сражаться до конца, – вдохновенно продолжал тем временем гаулейтер. – Тирольтцы и баварцы станут теми германскими племенами, с союза которых начнется новое возрождение рейха. Так что ждем ваших приказаний, мой фюрер!

Выступление гаулейтера Тироля вместило в себя одну-единственную важную информацию, которая хотя ничего и не меняла в отношении к идее «Альпийской крепости», зато удовлетворяла неизысканное любопытство присутствующих: замысел-то, оказывается, созрел далеко от Берлина, вдали от кабинетов рейхсканцелярии. При этом обсуждение могло бы и завершиться, но фюрер упорно подбадривал высших руководителей черной гвардии рейха. Возможно, только поэтому Гиммлер неохотно поднялся и предложил:

– То, что в состав Альпийской Франконии войдут горные регионы Германии и Австрии – совершенно естественно. Аншлюс является следствием вполне понятного стремления некогда раздробленного германского народа к единству, – произнося все это, Гиммлер мрачно изучал стол перед собой, не демонстрируя при этом никакого энтузиазма. – Уверен, что, с точки зрения дипломатии, а также исходя из международных правовых основ, этот факт не может давать никаких серьезных оснований для протеста.

– Вы говорите сейчас не как рейхсфюрер СС, а как сицилийский адвокат, – не удержался Гитлер.

Присутствующие замерли: так обращаться с рейхсфюрером СС! Такого не должен был позволять себе даже Гитлер. Однако же в последнее время он позволял себе подтрунивать не только над Герингом, но и над Гиммлером. Поражения на фронтах вызывали у него разочарования во многих старых соратниках.

Гиммлер замялся. То, о чем он должен был сейчас говорить, очень неудачно накладывалось на «сицилийского адвоката». И потом, почему именно «сицилийского»? Разве он пытается защищать мафию?!

– Но совершенно иную реакцию вызовет включение в состав этого государства части Италии, – все же набрался он мужества продолжать. – Невообразимый шум поднимется сразу же, как только разведке союзников станут известны планы создания Альпийской Франконии. Первыми возмутятся король и премьер Италии. Их сразу же поддержат англо-американцы, Швейцария, Испания, Португалия... И вместо Италии-союзника мы получим Италию-противника, воинство которой станут усердно подогрывать патриотическими призывами «восстановить историческую справедливость», «быть верными воинственному духу предков...».

Только сейчас Гиммлер поднял голову, и свет неярких люстр осветил голубовато-свинцовые воронки его очков. Скорцени вдруг почувствовал, что между фюрером и Гиммлером назревает нечто ранее приглашенное. Вполне вероятно, что магистру ордена СС надоело вести затяжные поединки за право быть вторым в рейхе, с переменным успехом оттесняя от фюрера его официального преемника рейхсмаршала Геринга. Имея за собой столь мощную, организованную и влиятельную силу, как войска СС, и такую административную государственную власть, какой наделен сейчас Гиммлер, поневоле задумаешься: «А почему, собственно, я должен бороться за право быть вторым, а не первым?».

– Кроме наших войск в этой части Альпийской Франконии будут базироваться и дивизии союзника – Муссолини – с вальняжной раздраженностью объяснил Гитлер. – Основная масса которых, наряду с отрядами местных сил сопротивления, станут активно действовать заранее подготовленные диверсионные отряды СС, вермахта и гитлерюгенда...

При этом фюрер отыскал Скорцени и надолго задержал на нем свой взгляд. От всех дальнейших слов фюрер спокойно мог воздержаться. Задача обер-диверсанта была ясна.

Только сейчас Гиммлер сел. Он никак не реагировал на возражения фюрера – поскольку никогда никак не реагировал на них, – однако по всему чувствовалось, что магистр СС ими явно неудовлетворен.

– Всю войну мы терпели поражение именно на тех участках, на которых доверяли оборону макаронникам, – довольно громко, так, чтобы и фюрер тоже мог слышать его, проворчал Монке. Ему это позволялось.

– И все же от включения в состав Альпийской Франконии какой-либо части итальянской территории я бы отказался, – вполголоса, к тому же слишком запоздало возразил Гиммлер. – Пусть лучше итальянцы пытались бы какое-то время удерживаться в горах в качестве наших союзников, переходя при этом к партизанским методам ведения войны.

– Не следует забывать, однако, что речь идет о «германской» части Италии, – напомнил ему Скорцени, заставив рейхсфюрера покряхтеть также недовольно, как еще недавно кряхтел сам фюрер.

– Именно это и учитывается, – как можно любезнее уточнил Гиммлер.

Тем временем совещание шло своим вялотекущим чередом. В поддержку Альп-Франконии высказались доселе молчавшие Борман, Кальтенбруннер и даже Розенберг. Все трое были подчеркнуто лаконичными и столь же подчеркнуто приверженными идее фюрера, авторство которой делить между фюрером и гаулейтером Тироля так и не захотели.

– Мы должны быть готовыми сражаться до конца. Лучших редутов, чем те, которые предоставляет горная Альп-Франкония, нам не сыскать. Я, старый солдат, понимаю это так, – четко завершил эту рыцарскую меланхолию группенфюрер Пауль Хауссер, бывший командир дивизии СС «Дас Рейх». – Германия там, где мы, германцы! Наши альпийские редуты станут символом мужества народа, которому противостоит почти весь остальной мир. Я, старый солдат, понимаю это так...

И вновь, уже в который раз, Скорцени вспомнилась речь, с которой Пауль Хауссер обратился к ним в полночь с 21 на 22 июня сорок первого года, стоя на штабной бронемашине: «Через несколько недель мы проведем парад победы на улицах Москвы, я, старый солдат, понимаю это так!».

И как же они, в большинстве своем молодые необстрелянные эсэсманны, верили ему!¹² Какой романтической казалась им эта первая ночь войны, на исходе которой пока еще ничто этой самой войны не предвещало; какими воинственными и бессмертными казались сами себе

¹² В сорок первом, в составе дивизии СС «Дас Рейх», которой командовал группенфюрер СС Пауль Хауссер, Отто Скорцени вступил в войну и дошел до предместий Москвы. Отсюда и его ностальгические воспоминания, его дружеское отношение в «старому солдату» Хауссеру.

окружавшие Хауссера парни, многим из которых суждено было погибнуть еще до рассвета; каким провидческим представлялось им первое утро Второй мировой..

Сегодня речь «старого солдата» тоже явно импонировала и Скорцени, и фюреру. Воодушевленный его словами, Гитлер вновь заговорил о неистребимости германского духа, о необходимости мобилизовать все людские и технические ресурсы для окончательной победы над бесчисленными врагами. Правда, не уточнив при этом, что сам же он, своей политикой, своими действиями, этих врагов и породил.

* * *

... Да, это совещание у фюрера, с которого зарождалась идея создания «Альпийской крепости», уже было в прошлом, однако Скорцени понимал, что без подобных воспоминаний об истоках идеи «страны СС» Альпийской Франконии, он не был бы по-настоящему готов к сегодняшнему разговору у фюрера о давних, но все еще неосуществленных планах сотворения мощного укрепрайона «Альпийская крепость».

7

Телефон находился в гостиной замка, но именно там генерал фон Штубер обосновал свою штаб-квартиру. Когда Софи вошла, генерал стоял над развернутой на столе картой, широко упираясь в нее руками, с таким видом, словно перед ним была карта будущего поля битвы.

«Ореста бы сюда, – подумалось Жерниcki. – Десять минут подобного позирования – и набросок для будущего полотна „Отставной генерал у карты проигранных сражений“ готов. А что, неплохое название: „... у карты проигранных сражений“! Правда, Орест терпеть не может позирования, поскольку привык все сюжеты своих полотен зарождать в собственных фантазиях, тем не менее...»

Лишь мельком взглянув на женщину, барон движением руки указал ей на высокий журнальный столик у камина, на котором покоилась снятая трубка, и вновь решительно склонился над картой. «Рано штаб Верховного командования сухопутных войск списал этого генерала, рано, – подумалось Софи. – Душой и мыслями он все еще там, в штабе одной из дивизий, а то и армий; он все еще мыслит логикой тактических ударов и стратегических направлений».

– Здесь обер-лейтенант Жерниcki, – произнесла она, прежде чем успела донести трубку до уха.

– Уже «гауптман Жерниcki», – донесся до нее резкий, фальцетный голос Ведлинга. – Я всегда знал, что Геринг благоговит к вам, но не думал, что настолько. Лишь недавно пообещал повесить вас в чине – и вот...

– Клятвенно обещаю не дослуживаться до генерала раньше вас, Ведлинг.

– Не оправдывайтесь. Марка моего любимого коньяка вам известна.

– Но ведь потревожили вы меня не ради воспоминаний о своей любимом коньяке?

Софи метнула взгляд на генерала. Тот все еще стоял, опираясь руками о карту, но исподлобья наблюдал за ней; скорее даже не наблюдал, а прислушивался к ее разговору с полковником.

– Завтра же вылетаете в Вену, а оттуда – в Швейцарию, – как-то слишком буднично проговорил полковник, чтобы можно было столь же буднично воспринять сказанное им.

– Уж не поспешили ли вы с опробованием любимого коньяка, полковник?

– Увы, Инга следит за моим поведением строже любого фельдфебеля.

– Эта полушведка-полугерманка умудряется следить за моральным обликом каждого из нас, – «успокоила» его Софи, мысленно добавив при этом: «И не только за моральным обликом она следит – вот в чем проблема!». – Но вам достается больше остальных. А что вы хотите: сотрудница международного Красного Креста¹³. Однако мы не о том говорим. Кто это там желает отослать меня в Вену? Неужто рейхсмаршал Геринг?

– Да нет, похоже, что Скорцени.

– Кто?! Скорцени? – насторожилась Софи. – С какой стати обер-диверсант рейха вдруг начал устраивать судьбу бедной, незащитной женщины?

– ...И даже не в Вену, – все еще не способен был погасить Ведлинг чувство восторга, – а в Швейцарию. Где, кроме всего прочего, вы сможете защитить свою диссертационную работу по искусствоведению, которую, если помните...

– Помню, полковник, помню... Только причем здесь Скорцени? И вообще не отвлекайтесь.

¹³ Речь идет о сотруднице Международного Красного Креста, которая, являясь радисткой Софи Жерниcki, в то же время была двойным агентом, работающим на английскую и советскую разведки. Знакомство с ней состоялось на страницах романа «Воскресший гарнизон».

– Если уж вас решил взять под свое крыло сам обер-диверсант рейха, это, Софи, знаете ли...

– Подробности, как я понимаю, в личной беседе?

– В Вену мы отбываем вместе. Но у вас свое задание, у меня – свое, и беседовать с вами будет офицер СД.

– Уж не Штубер ли его фамилия? – оживилась Софи. – Штурмбаннфюрер Вилли фон Штубер?

– Я понимаю, что речь идет о сыне хозяина замка. Нет, это не он. Этого зовут Арнольд Гредер. Полковник войск СС, то есть штандартенфюрер¹⁴.

– В роли посыльных в СД теперь выступают полковники? – она спросила об этом, только чтобы получить хоть какие-то дополнительные сведения о «гонце» Скорцени.

– Все зависит от важности миссии. И потом, в свое время Гредер был знаком с Вилли Штубером. Судьба сводила их в начале войны, в Украине, где-то на берегах Днестра. Однако в родовом замке Штуберов бывать ему не приходилось. Да и вообще война развела их с молодым бароном. Конечно, он мог послать к вам своего подчиненного или же вызвать вас к себе, но, как видите...

– Тогда кое-что проясняется. Итак, мне следует ждать в гости штандартенфюрера Арнольда Гредера?

– Он возглавляет местное отделение службы безопасности, – слегка приглушил голос Ведлинг, как бы предупреждая, что Софи должна быть с ним повежливее. – Только неделю назад назначен. Через час он будет в замке.

Положив трубку, Софи опустилась в стоявшее рядом кресло и уставилась на генерала.

– Я не ослышался: к нам в гости следует ждать штандартенфюрера Арнольда Гредера? – спросил фон Штубер, все еще не отрывая взгляда от карты.

– Ведлинг утверждает, что с вашим сыном он познакомился еще в начале войны с Советами, где-то на Днестре.

– Везет же нам с Вилли на этого проходимца, – покачал головой барон, заинтригованно как-то глядя в окно. – Я с Гредером тоже был знаком.

– Причем произошло это при каких-то не очень приятных для вас обстоятельствах?

– Зачем вам знать такие подробности, обер-лейтенант?

– Уже гауптман, – как бы вскользь заметила Софи.

– Вас повысили в чине?

– Только что мне сообщили, что соответствующий приказ о присвоении чина издан. Однако вернемся к знакомству с Гредером. Возможно, ваши сведения помогут лучше понять, с кем придется иметь дело. Ведь Гредер назначен начальником местного отделения СД.

– Даже так?! Не самая приятная новость.

– Как я и предполагала. Мне нужно знать, как вести себя с этим человеком, тем более, что встреча должна произойти в вашем доме. Или, может, попросить полковника Ведлинга, чтобы он перенес встречу в свой кабинет?

– Наша встреча не была настолько конфликтной, чтобы мне пришлось изгонять его из родового замка Штуберов.

– Как я и предполагала, – повторилась Софи. – Вежливость и снисходительность – герб любого истинно аристократического рода.

– Прекрасно сказано, Софи. Так вот, о нашем знакомстве с Гредером... В мае 1937 года при посадке в нью-йоркском аэропорту Лейкхерст загорелся, а затем и взорвался наш огромный дирижабль «Гинденбург», который Гитлер и Геринг рассматривали в качестве флагмана германского воздушного флота. Корпус этого гиганта был на восемь метров длиннее, нежели

¹⁴ С этим офицером СД читатели обстоятельно знакомились на страницах романа «Река убиенных».

корпус известного вам судна «Титаник». Если бы вместо очень взрывоопасного газа водорода, которым были наполнены все пятнадцать отсеков-баллонов этого дирижабля, мы закачали туда гелий, Германия сейчас лидировала бы в этом виде воздухоплавания, которое составило бы победную конкуренцию обычной авиации, мореплаванию и всему наземному транспорту.

– Почему же этого не произошло?

– Потому что, узнав о закладке в рейхе огромных дирижаблей, еврейское лобби (еврейских авиа-автомобилей, и прочих концернов, финансируемых еврейскими банками) в американском конгрессе немедленно добились того, чтобы в США был принят закон, запрещающий продажу Германии негорючего газа гелия, единственное в мире месторождение которого было открыто к тому времени только в США, в штате Техас. Есть все основания считать, что и катастрофа красавца «Гинденбурга», названного одним из поэтов «Гордым ангелом», причины которой, к слову, до сих пор так и не выяснены, тоже результат антигерманского еврейского заговора. Причем следует признать, что евреи добились своего: Германия, а вслед за ней и Англия, тотчас же свернули свое дирижаблестроение, что, на мой взгляд, было в корне неправильным. Повторяю, – постучал карандашом по карте генерал, – в корне... неправильным. Из-за одной катастрофы погубить целое направление авиастроения и воздухоплавания! Какой в этом смысл?!

– И какое же отношение к гибели «Гордого ангела» имел Гредер?

– Он отвечал за безопасность дирижабля, этого красавца с двухэтажной пассажирской палубой, с шикарными каютами и роскошным рестораном, а также с ванной, читальным залом, обзорными галереями, двумя лифтами... К счастью, после того как пассажирская гондола переломилась, большая часть пассажиров, более шестидесяти человек, спаслась¹⁵.

– Но вы, следует полагать, не были в их числе?

– Я был в комиссии по расследованию катастрофы. Причем подключили меня в тот момент, когда расследование уже зашло в тупик. Гредера спас от суда, а возможно, и от казни, сам Гитлер, не желавший, чтобы этого офицера представили ему и всему миру в виде козла отпущения.

– И чем же руководствовался фюрер? Какими-то особыми заслугами Гредера?

– Ни о каких былых заслугах речи не велось. Их попросту не было. Здесь дело в ином. Гитлер желал знать имена настоящих виновников взрыва на дирижабле, знать его политическую, экономическую, национал-сионистскую и прочие подоплеку.

– Следует понимать так, что фюрер спасал Гредера вопреки вашему стремлению во что бы то ни стало предать его суду?

– К сожалению, меня подключили к расследованию уже после того, как фюрер отказался от этого ритуального жертвоприношения.

Софи молча кивнула головой, давая понять, что теперь кое-что прояснилось.

Посидев еще с минуту в кресле, она поднялась и пошла к себе на второй этаж, попросив ординарца позвать ее, когда появится штандартенфюрер Гредер.

¹⁵ Подробнее об этой катастрофе читайте в романе «Река убиенных».

8

Это был тот редкий случай, когда, собрав у себя в рейхсканцелярии нескольких высших руководителей империи, Гитлер не стремился сходу завести себя, завладеть вниманием и душами подчиненных, довести их и себя до некоего ораторско-философского исступления. Он медленно, с неуверенностью человека, лишь недавно оправившегося после тяжелейшего инсульта, прохаживался у своего стола, и, казалось, занят был только тем, что прислушивался к старческому шарканью своих шагов.

– Ситуация складывается таким образом, – наконец заговорил он, не отрывая взгляда от пола и не останавливаясь, – что в конце концов мы все же будем побеждены. Да, как бы мы ни старались скрыть эту правду жизни от самих себя, в этой войне мы потерпим поражение. Теперь это уже очевидно.

«Хорошо, что фюрер не пригласил на это совещание Геббельса, – с грустью подумал Скорцени, – тот наверняка бросился бы уверять его, что доблестные германские войска останут вражеские полчища у стен столицы, а бывшие западные союзники русских согласятся на сепаратные переговоры, и все такое прочее...».

Как и все присутствовавшие, обер-диверсант рейха понимал, что наконец-то он настал, этот «день великого прозрения», когда фюрер, прежде всего сам фюрер, вынужден взглянуть в глаза правде жизни и принять решение: как быть дальше.

– Вы уже знаете, вести переговоры о перемирии Черчилль отказался, – голос Гитлера был по-старчески ворчливым и неровным, при том, что говорил он в нос, по-гайморитному гундося. – Да, теперь мы уже окончательно можем сказать себе и всему миру, что именно Англия, ее руководство, будут нести перед миром всю ответственность перед будущими поколениями за разгром Западной Европы, за гибель западноевропейской цивилизации¹⁶. Запомните мои слова: в грядущей войне Европа будет уничтожена в течение одного дня. Вы не ослышались: именно так, в течение всего лишь одного дня.

Обычно подобные слова фюрер восклицал, глядя в потолок, потрясая поднятыми вверх руками и всячески вводя себя в транс. Однако ничего подобного сейчас не происходило. Скорцени вдруг почувствовал, что это уже не тот фюрер. Совершенно не тот.

Скорцени вдруг панически поймал себя на том, что Гитлер теряет в его глазах тот ореол величия и мудрости, тот образец для подражания, тот символ связи с Высшими Посвященными, символ непререкаемости авторитета, благодаря которым, собственно, и формировался в былые времена его культ. Тот величественный культ «фюрера Великогерманской нации», благодаря которому германская нация сумела возродиться после Первой мировой войны и стала такой, какой она встретила Вторую мировую, то есть воистину великой.

– Если наш народ... Если какая-то часть нашего народа в той, следующей, войне уцелеет, ей нужно будет не только возродить Германию, но и восстановить основу западной цивилизации, объединив при этом элиту западноевропейского мира против русского жидо-коммунизма и азиатчины.

«Но ведь собрал-то он нас не для того, чтобы напичкивать подобной банальщиной, – хотелось верить Скорцени. – Раньше он, конечно, мог сколько угодно впадать в такие разглагольствования, поскольку фронтовые успехи позволяли ему предаваться любым бредовым фантазиям. Но время-то и в самом деле другое».

¹⁶ Здесь и дальше интерпретируются действительные высказывания Гитлера, которые, будучи донесенными до исследователей благодаря одному из участников этого совещания, воспринимаются теперь как постулаты политического завещания фюрера.

– Не те времена сейчас, не те! Даже фюрер теперь уже понимает это, – проворчал сидевший слева от Скорцени обергруппенфюрер и генерал-полковник войск СС Зепп Дитрих, не очень-то и заботясь о том, чтобы сам фюрер слова его не расслышал.

– Важно постичь глубину этого понимания, – едва слышно, почти не шевеля губами, ответил Скорцени.

– Я помню, как мужественно вы действовали в Арденнах, оберштурмбаннфюрер¹⁷, – воспользовался Дитрих тем, что Гитлер вновь на какое-то время впал в полузабытье, в какую-то вневременную интеллектуальную прострацию. – Если бы тогда нам подбросили подкрепления, мы могли бы очистить все нидерландское побережье. Это я вам говорю, Зепп Дитрих.

– В целом мы все-таки действовали неплохо, – едва слышно проворчал Скорцени. – Военные историки вынуждены будут признать это.

– Военные историки – это всего лишь армейское дерьмо. Что они могут смыслить во всем том, что происходило в Арденнах? Попомните мое слово, что этого наступления англо-американцы нам никогда не простят¹⁸.

– Стоит предположить...

– вспомните, как они зверствовали, хватая в своем тылу ваших провалившихся парней. Припоминаю, как...

Предаваясь каким-то своим воспоминаниям, Дитрих уже был готов окончательно игнорировать чувственные экзальтации фюрера, но в это время Гиммлер осуждающе взглянул на нехстати разболтавшихся подчиненных, и они вынуждены были приумолкнуть. Тем более что и фюрер тоже вдруг словно бы очнулся и заинтересованно взглянул на генерал-танкиста от СС.

Пока что оставалось загадкой, почему среди приглашенной на совещание правящей элиты вдруг затесался этот, один-единственный, вояка-фронтовик – коренастый, «простаковатый на вид и грубоватый на слово», как охарактеризовал его однажды рейхслайтер Борман, генерал. И добро бы кто-нибудь из фельдмаршалов, командующих группой армий, а то ведь всего лишь командующий 6-й танковой армией СС, да к тому же расквартированной сейчас где-то в Австрии.

– Однако я призвал вас сюда, в эти освященные вечностью стены, вовсе не для того, чтобы оплакивать исход нынешней войны, гибель нынешнего, Третьего рейха германцев. – Теперь Гитлер стоял, опираясь растопыренными ладонями о стол. Скорцени видел, что ноги его подогнуты, он уже как бы и не стоит, а пребывает в каком-то полуприсесте, словно бегун, безнадежно засидевшийся на стартовой линии после второго фальстарта. – Нам следует подумать над созданием Четвертого рейха, позаботиться о том, чтобы его творцы начинали свою деятельность, имея достаточный запас драгоценностей и валюты. Должен вам прямо сказать: я хочу оставить творцам последующего великого рейха богатое наследство. Настолько богатое, чтобы оно оказалось достойным возрождаемой Великогерманской идеи. У тебя, Борман, будет особое задание.

– Как всегда готов, мой фюрер, – медленно как-то выходил из состояния своей партийной полудремы рейхслайтер. Все это время он сидел откинувшись на спинку кресла, но при этом массивная голова его покоилась на груди, упираясь подбородком в лацкан френча армейского образца.

¹⁷ Здесь имеется в виду участие Скорцени во главе целой армейской бригады специально подготовленных диверсантов в наступлении в Арденнах, в Бельгии, в декабре 1944 года, которое стало последним крупным наступлением немцев во Второй мировой войне. 6-я танковая армия СС генерал-полковника Дитриха действовала тогда на правом фланге и ей была придана специальная 150-я танковая (танково-диверсионная) бригада порыва, подчиненная непосредственно Скорцени.

¹⁸ Он оказался прав. После войны американская военная фемида развязала тотальное преследование участников этого наступления, выделив их деяния в специальное «Дело о Мальмеде». В рамках его должен был предстать перед судом в мае – июле 1946 года и Скорцени, однако руководитель американской разведки (УСС) генерал Донован лично занялся его спасением. Что же касается генерал-полковника войск СС Зеппа Дитриха, то он был приговорен американским военным судом к 25 годам заключения.

В последнее время Борман предпочитал ходить в таком вот, грязно-песочного цвета френче без каких-либо знаков различия, но тем самым отличаясь от всех остальных приближенных фюрера, обычно присутствовавших на подобных совещаниях.

– Я хочу, чтобы ты сейчас же отбыл в Берхтесгаден, а затем в Оберзальцберг и в Штирию, в Мертвые горы. Мы должны срочно наметить все те тайники – в ставке «Орлиное гнездо», в шахтных штреках, горных пещерах и озерах, в стенах и подземельях местных замков и храмов, наконец, под хозяйственными постройками надежных крестьянских усадеб, – в которых будут сосредоточены государственные и наши с вами личные сокровища.

Улавливая суть задания, которое фюрер давал своему заместителю по партии¹⁹, Геринг все более нервно подергивал не в меру разжиревшим затылком, свисающим за ворот неуместно белого для подобной «похоронной церемонии» и непростительно парадного кителя. Скорцени хорошо помнил, что именно Геринг первым всерьез задумался над спасением своих сокровищ от варваров. Вот только место для собственного «острова сокровищ» стал искать неподалеку от ставки фюрера «Бергхоф» и своей собственной бункер-виллы, именуемой в народе «Герингхаузом». Но из этого не следовало, что именно он первым зародил идею «Альпийской крепости», просто дальше уходить некуда: горы – последняя надежда всяк терпящих поражение.

– Вы не ослышались, господа, и личные тоже, – понемногу оживал фюрер, пытаясь придать своему голосу надлежащие твердость и решительность, – поскольку большая их часть отныне должна служить идее будущего рейха. Запасы золота и серебра, изделия и полотна древних мастеров, наиболее ценная храмовая утварь – все это мы обязаны спасти от варваров, от разграбления; спасти ради наших последователей, ради идеи национал-социализма.

Произнося все это, Гитлер вновь обращался исключительно к Борману, вызывая тем самым ревнивое негодование у рейхсмаршала.

– Мы должны вернуться к идее «Альпийской крепости», – высказался он, как только фюрер завершил очередную часть своего монолога. – Создавая вокруг ставки «Бергхоф» мощный укрепайон, который бы охватил западные районы Австрии и весь юг Германии, мы получим прекрасный горный редут, в котором отборные войска смогут держаться достаточно долго, чтобы диктовать врагам свою волю. Это позволит не только превратить Альпы в неприступную крепость, но и в надежную, тайную сокровищницу. Мы должны вернуться к этой идее, потому что пора, мой фюрер, давно пора!

¹⁹ Официально Мартин Борман числился руководителем канцелярии Национал-социалистской германской рабочей партии (НСДАП), а также личным секретарем фюрера. Однако во многих источниках его называли и продолжают называть «заместителем фюрера по партии», поскольку именно так любил именовать себя сам Борман.

9

Из шифрограммы Даллес знал, что в Швейцарию под именем дона Чигарро должен прийти генерал-майор Уильям Донован²⁰, но до последней минуты не верил, что подобный визит вообще в принципе возможен. Начальник Управления стратегических служб США – и вдруг столь неожиданный, рискованный вояж!

Конечно, благополучная нейтральная Швейцария – это не объятая войной Германия, и уж тем более – не Россия, так что опасаться ему здесь особо нечего. Тем не менее должно было произойти нечто из ряда вон выходящее, чтобы сам шеф разведки Соединенных Штатов оставил свой офис на Чепел-Хилл в Бэррвилле и подался на армейском самолете в Италию, дабы оттуда прилететь в Берн.

– Не трудно догадаться, что, исходя из принципов безопасности, в Вашингтоне были против моей поездки сюда, – выкладывал свою «домашнюю заготовку» Донован, сидя за массивным обеденным столом в номере Аллена. – Но я принадлежу к тем немногим руководителям разведки, которые предпочитают лично инспектировать свои наиболее важные резидентуры.

– К тому же у вас произошла довольно... – Даллес замялся, подыскивая самое безобидное слово, – основательная, что ли, беседа с генералом Дуайтом Эйзенхауэром.

Шеф управления разведки с такой грустью осмотрел бокалы с пивом и огромные «альпийские» отбивные, исходящие паром на еще более огромных мисках и присыпанные тонко нарезанным жареным картофелем – словно все это благополучие у него бездушно отбирают, и угрюмо, с виноватым видом спросил:

– Значит, об этом разговоре вам тоже известно?

«Причем с куда более пикантными подробностями, чем вы способны представить себе, генерал», – мысленно ответил Даллес. Но при этом сочувственно пожал плечами и шадяще произнес:

– Лишь в самых общих чертах, как вы понимаете, сэр.

В своих стычках с людьми в мундирах Главнокомандующий союзными силами в Европе генерал Эйзенхауэр вообще никогда особой деликатностью не отличался. А уж в беседе с начальником управления разведки он попросту рассвирепел. И было от чего свирепеть.

В течение нескольких месяцев агентура Донована уверяла его и Президента США, что фюрер готовится перенести свою канцелярию и штаб Верховного командования вермахта в подземелья некоего подземного города СС «Регенвурмлагеря», он же «СС-Франкония». При том, что никто ему, Главнокомандующему союзными войсками в Европе, не способен был толком объяснить, что собой представляет эта «подземная страна СС». Да, чуть ли не каждый день поступали все новые сведения о том, что будто бы немцы переносят туда, в подземелья, заводы по производству ракет «Фау» и ядерной бомбы, создают запасы урановой руды, строят подземные аэродромы, а также лаборатории по созданию непобедимых «солнечных дисков»²¹ и бессмертных, не ведающих ни боли ни страха зомби-воинов; а еще – создают мощные склады с оружием и продовольствием, разводят подземные огороды, животноводческие фермы и все такое прочее.

²⁰ Речь идет о генерал-майоре американской армии, начальнике (1942–1949 гг.) Управления стратегических служб США Уильяме Джозефе Доноване. Известно, что еще в 1944 году он через американское посольство в Испании стремился перевербовать Скорцени, которым всегда восхищался и которого, находясь в Германии в мае – июле 1946 года, лично спасал накануне процесса по «делу о Мальмеде». На этом процессе Отто должен был проходить в числе других офицеров СС (33 из них были приговорены к смертной казни, 23 – к пожизненному заключению), причастных к преступлениям, содеянным во время наступления в Арденнах в декабре 1944 года.

²¹ В те годы названий «летающие тарелки» и НЛО не существовало, аппараты, которые испытывали конструкторы рейха, назывались «солнечными дисками».

И поскольку в последние месяцы Гитлер все равно не появлялся в Берлине, предпочитая отсиживаться в своей далекой восточно-прусской ставке «Вольфшанце», почти под носом у русских, а тут еще маршал Жуков на несколько месяцев остановил продвижение своих войск в Польше и почему-то стал окапываться на правом берегу Вислы, – то вроде бы все сходилось.

Получалось так, что русские благородно позволяли англо-американцам увязать в многомесячных боях, теряя сотни тысяч своих парней на фронтах Германии, на всем пространстве уже даже не вплоть до Берлина, а вплоть до Эльбы. А сами ждали, пока Гитлер вместе со всей верхушкой рейха пожалует в эту подземную мышеловку, «Регенвурмлагерь», чтобы взять их там вместе со специалистами, технологиями и заводами по производству «Фау», «солнечных дисков» и даже такой вожаемой для Сталина атомной бомбы!

Причем все яснее становилось, что, чем сильнее оказывался напор вверенных Эйзенхауэру союзных экспедиционных сил, тем ближе были к заветной цели войска Жукова, до поры отсиживавшиеся на берегах Вислы. К тому же русские генералы готовились в первых рядах бросить на доты «СС-Франконии» поляков из лихорадочно формирующейся Армии Людовой, чтобы ворваться в подземелья на их спинах, а точнее, по их трупам.

Не успели еще агенты Объединенного комитета по разведке Верховного командования союзных экспедиционных сил в Европе²² развеять и части мифов, сотворенных германцами вместе со сказочниками Донована, как по каналам подведомственного тому же Доновану УСС начала массированно поступать информация о создании какого-то сверхмощного укрепрайона в Альпах, в одних донесениях именуемого «Альпийском редутом», в других – «Альпийской крепостью» или «Национальным редутом». При том, что ни в одном из них не подавалось четких очертаний этого укрепрайона, а воздушная разведка, находящаяся под личным патронатом главкома Эйзенхауэра, вообще не обнаруживала каких-либо фортификационных работ ни на одном из участков предполагаемого укрепрайона, от горных массивов Шварцвальда на западе Южной Германии, до Баварских Альп на востоке²³.

Уже сама чехарда с названиями способна была взбесить Эйзенхауэра; во всяком случае, она порождала сомнения в достоверности всех этих пугающих воображение сведений. Но самое ужасное, что, базируясь на них, Эйзенхауэру какое-то время приходилось докладывать Президенту Трумэну о том, что одни и те же сверхсекретные конструкторские бюро, лаборатории и заводы руководство Германии одновременно эвакуирует и в «Регенвурмлагерь», и в «Альпийскую крепость», и, что уж совсем представлялось бредом, куда-то в подземелья Антарктиды.

В сведениях, поставляемых Донованом штабу экспедиционного корпуса, указывалось на переброску неких отборных дивизий рейха в сердцевину «Альпийской крепости», в то время как на поверку оказывалось, что эти дивизии истекают кровью на Восточном, а некоторые даже на Западном фронтах, то есть буквально под носом у генералов объединенных сил. Что неопровержимо подтверждалось показаниями пленных офицеров из этих дивизий, а также имеющимися при них документами.

Так вот, подноготная появления шефа Даллеса в Европе в том и заключалась, что Эйзенхауэру осточертели фантазии «сказочников и баснописцев» из УСС. После очередного недомыслия высказанного Трумэном по поводу его доклада в связи с перспективами развития событий в Германии, главком объединенных сил буквально озверел. Он через окружение Президента потребовал Донована к себе, и тогда уж высказал все, что думает по поводу ценности

²² Именно такое наименование было присвоено объединенной военной разведке сил генерала Эйзенхауэра.

²³ Здесь использованы свидетельства как германских, так и американских источников о том, что генералы Донован и Эйзенхауэр, а вслед за ними и Президент Трумэн, стали жертвами мощного дезинформационного натиска отдела внешней разведки Главного управления имперской безопасности (РСХА) Германии, причем генератором всей этой «дезы» стал именно он, резидент УСС в Швейцарии Аллен Даллес, жизнерадостно поставлявший своему руководству порой совершенно очевидный бред.

и достоверности донесений агентов внешней разведки США. Причем сделал это с солдатской прямоотой и в самой грубой форме.

А поскольку главным источником всей этой массовой дезинформации выступал, как оказалось, резидент УСС в Швейцарии, то его шефу не оставалось ничего иного, как последовать настоятельному совету главкома Эйзенхауэра: «Так вот, лети к этому своему засидевшемуся в Берне баснописцу Даллесу и встряхни из него душу! Только обязательно сделай это, пока то же самое не сделал я». О чем и успел сообщить Даллесу один из проверенных людей из штаба Эйзенхауэра.

Вот почему, встречая сейчас начальника внешней разведки США, резидент в Швейцарии как никогда явственно чувствовал, что он находится на грани провала. Не перед швейцарской контрразведкой, которой по большому счету было наплевать на его деятельность, и не перед контрразведкой рейха, которая чувствовала себя в этой стране вольготно и вела себя крайне нагло, а, что самое страшное, – перед своим руководством.

Едва они сделали по несколько глотков пива, как Донован, – смертельно уставший, с бледновато серым лицом стареющего коммивояжера, – достал из внутреннего кармана и положил перед Даллесом несколько листиков бумаги.

– Простите? – вопросительно уставился на них резидент в Берне.

– Там наиболее важные сведения, относящиеся к созданию по приказу фюрера на Юге Германии некоей «неприступной Альпийской крепости».

– Вы находите, сэр, что?.

– Лично я уже ничего не пытаюсь там найти. Всего лишь настаиваю, чтобы вы прочли этот сводный материал. Сейчас, в моем присутствии и... обязательно вслух.

Донован произнес это с максимально возможным в данной ситуации тактом, но Даллес почувствовал: в эти минуты шеф УСС очень сожалеет, что не может позволить себе взъяриться, взорваться, осатанеть, как это делал при встрече с ним самим главком Объединенных союзных сил Эйзенхауэр.

10

«...Потому что пора, мой фюрер, давно пора!» – именно так, совершенно неожиданно для всех присутствующих завершил свое обращение в Гитлеру рейхсмаршал люфтваффе.

А ведь Скорцени помнил, что тогда, в октябре прошлого года, Гитлеру сразу же донесли из Австрии, что рейхсмаршал занят не планированием боевых операций люфтваффе, а спасением своих фамильных ценностей.

Группа офицеров по особым поручениям во главе с полковником Ведлингом еще только рыскала по старым штольням и заброшенным пещерам, а рейхсмаршал уже стоял перед Гитлером, пытаясь оправдаться за свою военно-стратегическую бездарность и пораженческие настроения. «Почему я должен узнавать от товарищей по партии, что в то время когда доктор Геббельс пытается убедить нацию в победе германского оружия, командующий люфтваффе уже ищет спасения в Альпах?! – взвинчивал фюрер себя и Геринга. – Как произошло, что ты создаешь свои собственные тайники, прячась даже от фюрера?!».

Вот тогда-то, отвергая версию о тайниках для фамильных сокровищ как дезинформацию, Геринг и запустил версию о поисках плацдарма для создания «последнего бастиона Третьего рейха». Вряд ли фюрер поверил, что «верный Герман» всерьез мог заняться созданием этого бастиона, не поставив в известность ни его, ни Бормана. Не тем человеком был их «люфтваффовский боров»²⁴, чтобы демонстрировать самозабвенную жертвенность в трюме тонущего корабля, в образе которого представал сейчас рейх.

Тем не менее идея возникла своевременно, а фюрер всегда умудрялся верить тому, во что верить попросту не следовало, если только это позволяло ему хоть на какое-то время уйти от реальности и предаться очередному наплыву иллюзий. К тому же в данном случае речь шла даже не об иллюзии – о надвигающейся суровой реальности, на фоне которой уличать Геринга в мелком вранье не имело никакого смысла.

В самом деле нужно было подумать о каких-то хорошо укрепленных очагах сопротивления на территории самого рейха. «Если уж русские сумели создать такие мощные укрепленные районы-крепости в лесных болотах под Ленинградом и на степных равнинах Сталинграда, то кто помешает нам превратить в неприступную цитадель наши Альпы – с их заснеженными перевалами, крутыми склонами, горными реками и озерами?» – убеждал тогда своего кумира Герман Геринг.

Прибегнуть к подобным аргументам еще раз бывший бесстрашный пилот не решился, однако все понимали, что он имел в виду. Это хрипло, зычным командирским голосом высказанное рейхсмаршалом: «Потому что пора, мой фюрер, давно пора!» – прозвучало, как унтер-офицерский казарменный рев: «Тревога!! Подъем! Выходи строиться!». При этом все вспомнили, что в прошлый раз – по принципу: «Идея должна быть наказуема» – ответственность за создание «Альпийской крепости» была возложена на самого Геринга.

Странно, что теперь фюрер не вспомнил об этом и не потребовал доложить об исполнении приказа. Вместо этого Адольф всего лишь устало взглянул на Геринга, оттолкнулся от стола, возле которого все еще стоял, упираясь в столешницу растопыренными пальцами, и, слегка пошатываясь, добрал до своего кресла.

– Мне известно, Герман, что ты сумел нащипать по своим тыловым частям, погибшим эскадрильям и аэродромам что-то около 30 тысяч служащих люфтваффе²⁵ и перебросить их

²⁴ Прозвищами «Боров» и «Люфтваффовский боров» Герман Геринг был «уважен» за свою слишком располневшую фигуру, придававшую ему вид, совершенно в принципе не свойственный не только служащим люфтваффе, но и вообще высшему командному составу вооруженных сил рейха.

²⁵ К началу 1945 года Геринг в самом деле перебросил в район «Альпийской крепости» порядка 30 тысяч военнослужащих. И это его решение, не согласованное, кстати, ни с фюрером, ни с Гиммлером, вызвало противоречивую реакцию у всех, в

в поближе к «Герингхаузу», – ухмылка, которая едва заметно очертилась в уголках бледных губ фюрера, тотчас же погасла в кончиках неподстриженных усов, но все же должна была символизировать шутку повелителя. Опасную, следует сказать, шутку.

Переброска Геринговских «отлетающих» в Альпы кое-кем была воспринята очень болезненно. И Гиммлер, и Борман понимали, что появление в Альпах еще трех десятков тысяч подчиненных рейхсмаршала вдобавок к тем, которые уже находились в пределах «редута», опасно усиливало позиции командующего люфтваффе и преемника Гитлера. С особой выразительностью это может проявляться в последние недели войны, когда высшее руководство рейха окажется в Альпах и когда встанет вопрос о реальном преемнике руководителя страны, способном представлять ее на переговорах в любой из вражеских столиц. С другой стороны, всем было ясно, что тыловики Геринга – не то войско, которое способно защищать «Альпийскую крепость» до последней возможности, да к тому же эти тридцать тысяч сейчас очень нужны на фронте, хотя бы в качестве «пушечного мяса», которого тоже катастрофически не хватает.

– Это было сделано, исходя из вашего приказа, мой фюрер, – заметно побледнели отвисшие щеки «верного Германа». – С самого начала было ясно, что переброска в тыловые горы боеспособных фронтовых частей невозможна. Поэтому я считал неудобным обращаться к командующим группами армий, а тем более – к начальнику штаба Верховного командования вермахта, и пытался обеспечить охрану «Альпийской крепости», в частности, стратегически важного района: Зальцбург – Оберзальцберг – «Бергхоф» – от возможных воздушных десантов противника.

– От воздушных десантов? – не удержался доселе отсутственно дремавший Кальтенбруннер. И по тому, как он заерзал в кресле, было видно, что наконец хоть что-то на этом совещании заинтересовало и его, начальника Главного управления имперской безопасности (РСХА). – В Альпы? В глубокий тыл? А что? Может быть, да...

– Особенно от десантов русских, – поспешил уточнить Геринг, – у которых вся партизанская борьба в наших тылах была построена на воздушно-десантной поддержке со стороны армии.

Аргумент оказался довольно сильным. Русские десанты в Альпах?! В районе ставки фюрера?! Только не это! А тут еще – как всегда некстати оживший Кальтенбруннер.

Однако на дальнейшие объяснения Геринга начальник РСХА никак не отреагировал. Фюрер тоже угрюмо помолчал, а затем объявил, что, конечно, в рейхе не осталось сейчас ни одной не занятой в боях горно-стрелковой части, которая очень нужна будет в «Альпийской крепости». А вот перебрасывать из Австрии к Берлину 6-ю танковую армию СС Зеппа Дитриха, создавая таким образом костяк будущего СС-гарнизона последнего редута, он не станет. Хотя ранее такая переброска планировалась.

«Танковая армия, пусть даже и лучшая – в горах? – мысленно пожал плечами обер-диверсант рейха. – Какой от нее прок на склонах гор, в узких горных долинах, а тем более – в ущельях?! Там действительно нужны егерские и горно-стрелковые части, нужны отряды истребителей танков, а главное, подразделения диверсантов, каждое из которых имело бы свою базу и свой хорошо изученный район действий. Потому что с самого начала бои в крепости в самом деле будут развиваться по законам партизанской войны».

После этого Гитлер в течение почти получаса говорил о своей ответственности перед нацией, о необходимости сконцентрировать волю каждого из руководителей на укреплении обороны рейха, а затем, прервав себя буквально на полуслове, всех отпустил, оставив лишь Бормана и Скорцени.

Не обнаружив себя в числе оставленных, рейхсмаршал Геринг умышленно замешкался, понимая, что самое важное будет сказано именно в этом, предельно узком кругу, но фюрер жестко повторил: «Остаются только Борман и Скорцени...».

11

Увы, осмотра замка, а значит, и будущих оборонительных позиций гарнизона, в сопровождении самого графа не получилось. Вилли Штубер попросил фон Ленца провести его по территории внутренних дворигов и помещениям замка, однако сославшись на усталость, тот перепоручив роль гида лейтенанту Торнарту, язвительно заметив при этом:

– Добиваясь руки графини Альберты, наш лейтенант уже давно видит себя владельцем замка Шварцбург. Так что пусть изучает его.

– Никогда не вынашивал такой мысли, граф, – скромно потупил взор будущий зять.

– Вынашивали, – резко осадил его Ленц, – и, невзирая ни на что, продолжаете вынашивать. Так не будем же лишать нашего лейтенанта хоть каких-то иллюзий. Я прав, как считаете, барон фон Штубер?

Вилли понял, что за этим выпадом скрывается какая-то «замково-родовая» интрига, познавать которую ему попросту не стоит, а что касается нежелания графа побыть в роли гида, то барон решил для себя: «Ничего, так даже лучше. Появилась возможность оценить узловые точки обороны замка основательно, без суетного кряхтения над ухом престарелого коменданта».

– Не огорчайтесь, лейтенант, – шутливо подбодрил он явно приунывшего лейтенанта Торнарта. – Прежде чем оборонять замки, их сначала завоевывают. Так было во все времена.

Оказалось, что оборонять замок было бы в принципе несложно. Архитектор, трудившийся над его проектом, по самому призванию своему был фортификатором. И хотя исходил он из канонов той поры, когда в боевых схватках владельцы кремниевых ружей и пистолетов еще откровенно завидовали лучникам, тем не менее узкие бойницы полностью «простреливали» все три закрытых, изолированных друг от друга пристройками двора, в то время как узкие переходы, колоннады галерей и смотровые балкончики позволили защитникам «Шварцбурга» чувствовать себя в его стенах защищенные, чем в любых других укреплениях этой войны.

– Только вряд ли его станут штурмовать, – иронично хмыкнул Зонбах.

– Рассчитываете, что у ворот Шварцбурга граф умиротворит наших врагов-американцев бутылкой техасского виски?

– Ну, этого мы ему не позволим. А вот того, что стая бомбардировщиков попросту разнесет замок, превратив его в руины местного акрополя, – не избежать.

– Многим казалось, что Брестскую крепость, выстроенную на равнине взять будет еще проще. А скольких солдат там пришлось положить. При том, что к обороне ее русские готовились со свойственной им безалаберностью.

– Значит, мы всерьез будем рассматривать замок, как крепость?

– Как центр обширного укрепрайона, обустроенного между этими двумя хребтами, в который войдут два селения, несколько горных хуторов и городок Рейншток. Здесь же будет расположен, аэродром «Люфталпен-1», госпиталь, склады с оружием и боеприпасами. Что касается самого замка, то два зенитных орудия установим в дворах, еще два – у подножия плато; и зенитный пулемет – на вон том перевале. Кстати, зенитные орудия – те, что у подножия, и то, которое будет установлено напротив ворот, можно будет использовать и как скорострельные полевые пушки.

– Это и будет наша «Альпийская крепость»?

– Шварцбург превратится всего лишь в один из десятка подобных укрепрайонов. Причем некоторые из них будут соединены подземными переходами, ведущими из одного горного пещерного комплекса в другой.

Появился обер-ефрейтор Кляйн, который исполнял в замке обязанности дворецкого, а теперь еще и адъютанта полковника Ленца, и пригласил господ офицеров в Каминный зал на обед.

– Мы осмотрели только замок, – доложил лейтенант Торнарт, воспользовавшись присутствием сведущего старожила Шварцбурга. – Но под ним есть еще два просторных подземелья, из которых начинаются подземные ходы. Вот только я никогда не спускался туда. В отличие от обер-ефрейтора Кляйна.

Штубер ожидающе уставился на адъютанта-дворецкого.

– Я не могу вести вас в подземелья без разрешения графа, – нервно замахал тот своими вечно трясущимися, по-обезьяньи волосатыми руками. Кляйну уже было хорошо за пятьдесят. Перед бароном предстал рослый человек, с удивительно узкими плечами и багрово-синюшным лицом закоренелого алкоголика.

– Не скромничайте, обер-ефрейтор, – осадил его Штубер. – Так уж и не можете! Куда уводят эти два хода? Ответ должен быть четким и ясным. И не вздумайте лгать офицеру СД.

– Собственно, их три.

– Даже так? «Божественно», как любил выражаться в подобных ситуациях один мой русский коллега, лейтенант Беркут. И куда же они тянутся?

– Один соединяется с пещерами, которые выводят к озеру. Причем к гроту, которым эти подземелья завершаются, по берегу подойти практически невозможно. С озера его тоже можно заметить, только если войти на лодке в узкий залив, который мы называем фиордом. Второй ведет к пустотам в хребте Альпеншорт. Там множество боковых ответвлений и пещер, настоящий подземный город, с выходами к нескольким гротам и тайным лазам на западной стороне хребта. Кто и когда их прокладывал, теперь уже никому не ведомо. Возможно, этого не знали даже основатели бурга.

– Но карты этих подземелий все же существуют? – с надеждой взглянул барон на обер-ефрейтора.

– Откуда им взяться? В последние сто лет графы воспринимали Шварцбург лишь в качестве охотничьего замка, предпочитая обитать в Граце, Вене, а то и в швейцарской Лозанне. Граф Эдвард тоже появился здесь лишь прошлой осенью, рассчитывая отсидеться вдали от фронтов и бомбежек. Слава богу, что хоть к замку подведены подземные телефонный и электрический кабели.

– Даже так?!

– Кстати, оба они уходят в подземелья, ведущие к противоположному склону хребта.

– То есть не так уж тут все и запущенно, как может казаться случайному путнику?

– Гаулейтер Хофер, как и его предшественник, явно благоговел к графу и почитает за честь при первой же возможности денек-другой отдохнуть в замке и на озере, неподалеку от которого у него стоит охотничий домик.

– Один из тех четырех, которыми мне выпало любоваться во время облета долины?

– Эти четыре расположены на берегу. Еще два построены на острове, в сосновой роще между скалами. Один из них граф отдал гаулейтеру, другой оставил за собой. Всё, господин барон и вы, господа офицеры... Граф Эдвард фон Ленц ждет вас за пиршеским столом.

– Что значит «всё»? – вдруг остепенил его Штубер. – Вы же сами утверждали, что существует еще и третий ход?

– Считайте, что его уже не существует, – попробовал отмахнуться дворецкий.

– Вы не на допросе, Кляйн, – сурово напомнил ему Штубер. – Пока еще не на допросе. Поэтому не заставляйте вытягивать из вас по слову.

Дворецкий обиженно поджал губы и передернул своими тощими, угловатыми плечами. В эти мгновения он напоминал мальчишку, который всем своим видом говорил: «Ну что ж, если вы так хотите, я скажу... Но только пеняйте потом на себя!»

– Этот, третий, уходит глубоко под землю.

– Они все уходят под землю.

– Этот – очень глубоко. Настолько, что никто не знает, на какую именно глубину, а главное, где и чем завершается.

«Значит, сказания местных горцев о бездонных ходах, уходящих куда-то в глубь планеты, и многокилометровых штольнях, ведущих от горы к горе, от перевала к перевалу – все-таки не мифы, – сказал себе барон. – Хотя и смахивают на них».

– Неужели не нашлось желающих исследовать этот ход?

– Это невозможно. Никто дальше чем на двести метров, то есть к Пещере Дьявола, не спускался, это я знаю точно. А не спускался потому, что за пещерой как раз и начинается эта дьявольская бездна, – когда Кляйн крестился, рука его почему-то дрожать переставала, возможно, из-за усердия своего хозяина. – Мало того, что она изрыгает серный смрад преисподней, так из нее еще время от времени доносятся какие-то странные и страшные звуки.

– Ну, с дьяволом мы как-нибудь общий язык найдем, – умиротворил его Штубер.

– Если он того пожелает, – вновь набожно осенил себя крестом-спасителем адъютант коменданта.

– Зато теперь становится понятно, почему для временного штаба «Альпийской крепости» Скорцени избрал именно этот замок.

12

Генерал Донован велел резиденту читать свои собственные донесения, и тому не оставалось ничего иного, как подчиниться.

Аллен безинтонационно читал о том, что в район «Альпийской крепости» перебрасывается пять лучших дивизий рейха и среди них – две дивизии СС. Он, поражаясь собственной наивности, вновь уведомлял Донована, что интендантские команды снабженца войск СС бригадефюрера Поля завезли в подземные склады «Национального редута» столько продовольствия, что его хватит, чтобы в течение двух лет прокормить десять миллионов солдат и гражданского населения²⁶. Хотя ко дню встречи в «Горном приюте» уже точно знал, что разыскать этого самого генерала Поля людям Скорцени так до сих пор и не удалось.

Да, они знали, что плутоватый Поль направился в Южную Германию вместе с несколькими своими тыловыми подразделениями. Но, обнаруживая этих тыловиков в разных районах, вдали от баз снабжения и вконец дезориентированных, фриденвальские коршуны так до сих пор и не смогли выяснить, куда, собственно, направил стопы свои и чем занимается сам оберинтендант СС.

Кстати, в районе предполагаемой Альпийской крепости действительно скапливается огромное количество всевозможных раздробленных тыловых подразделений различного подчинения, но все это части, которые способны сотворить неразбериху и хаос, но совершенно не способны к действенной обороне укрепрайона.

В одном из донесений Даллес уведомлял шефа, что в крепости построено несколько оружейных и прочих подземных заводов, причем все они соединяются теперь системой подземных ходов, многие из которых выходят на подземелья средневековых замков. При этом сейчас, в тиши «Горного приюта», Даллес вновь апатично уточнял, что точно такие же подземно-наземные укрепрайоны создаются германцами в горах земли Шлезвиг-Гольштейн и в северных районах Норвегии, где используются уже имеющиеся горные тоннели, пустоты и фиорды. Хотя и для этих утверждений никаких реальных доказательств у него пока что не было.

К моменту, когда швейцарский резидент закончил свое словесное самобичевание, Донован отрешенно расправлялся с остатками «альпийской отбивной», задумчиво посматривая при этом в окно, за которым далеко внизу изгиб медлительной речушки аркой окаймлял мост «Полицай-Голгофа». «Интересно, знает ли генерал о судьбе, предназначенной этому мосту фантазией сербо-итальянца Боша из Триеста?» – подумал Даллес с такой мрачностью, словно его самого уже тащили к перилам «моста самоубийц».

– Эти сведения поступали в разное время, сэр, и только теперь становится очевидным, что некоторые из них оказались недостаточно обоснованными.

Еще до завершения этой фразы Даллесу уже было стыдно за нее. Он с ужасом представил себя на месте шефа УСС. Как бы он сам реагировал, если бы кто-либо из подчиненных решился на подобное блеяние?

– Почему бы вам не выразиться проще, полковник? – старательно пережевывал недожаренное кровянистое мясо Донован. – Там не содержится ни одного сколько-нибудь достоверного сообщения.

– Простите, сэр, но мне очень трудно с этим согласиться, некоторые факты мы перепроверяли...

²⁶ Здесь и дальше используются сведения, которые в самом деле находили свое отражение в официальных донесениях Аллена Даллеса.

К счастью Даллеса, генерал не стал выяснять, какие именно факты они перепроверяли, поскольку резидент вряд ли так, сгоряча, сумел бы ответить по этому поводу что-либо внятное. Вместо этого генерал нахраписто объявил:

– Ни одного вы не перепроверяли. Ни одного! Начиная с самого факта существования укрепрайона «Альпийская крепость» как такового и заканчивая совершенно бредовыми утверждениями относительно некоего подземного аналога этой крепости в Норвегии.

Несколько минут они молча сидели друг против друга, глядя в одно и то же окно, за которым крутой склон заснеженного хребта стремительно уходил вниз, в уже освободившуюся из-под снега долину.

– Что вы намерены предпринять, сэр? – спросил Даллес, когда весь лимит времени, отведенный для подобных пауз, оказался исчерпанным.

– Но ведь руководители рейха действительно намерены бежать из Берлина туда, в Баварские, Австрийские или еще какие-то там Альпы?

– Многие уже прибывают туда, сэр.

– Нас интересует высшее звено.

– Одни настаивают, чтобы Гитлер уже сейчас, немедленно, покинул рейхсканцелярию в Берлине и, собственно, перенес ее в Альпы, превратив в последний оплот свою ставку «Бергхоф» в центр огромного укрепрайона. На карте, – полез он в стол, – это выглядит...

– Не утруждайтесь, – остановил его Донован. – Я прекрасно помню, как это может выглядеть на карте.

– Уже в течение многих лет рядом с наземным строением «Бергхофа», в толщине горы, создается огромный бункер, общая протяженность штолен которого, как утверждают, достигает двадцати километров, и где уже имеются бункер-апартаменты не только фюрера, но и Бормана, а также Геринга и Геббельса. Возможно, еще Мюллера. Кстати, этот подземный город, в соединении с хорошо укрепленным Берхтесгаденом и высокогорным поселком Оберзальцбергом, составит некий административный комплекс «Альпийской крепости».

– Значит, еще один подземный город, – безнадежно, апатично как-то кивал головой Донован, потягивая пиво и безутешно созерцая холодный альпийский пейзаж.

– Причем приспособленный для длительного автономного существования, – стоял на своем Даллес, понимая, что дальше ему отступать некуда. Как и Гитлеру. – И мифом этот подземный город никак не назовешь, – прибег он к явному выпадку в сторону шефа. – Известно, что с августа 1943 года его усиленно создают тысячи рабочих, в основном чехов и поляков. По некоторым сведениям, работы не прекращаются до сих пор, хотя значительная часть строителей эсэсовцами уже истреблена, как отработанный материал. Добавлю также, что еще до войны в Оберзальцберге появились дома Геринга, Гесса, Шпеера и других деятелей рейха.

Рядом с «Горным приютом» пролетел швейцарский военный самолет. Воздушные силы этой страны представляли до наивности незначительными, тем не менее пилоты ее регулярно демонстрировали свое присутствие, облетая приграничные горные районы, в которых время от времени появлялись группы беглецов, каким-то чудом пробивавшихся сюда из Германии, Италии или Югославии.

– Никто и не сомневается в том, что ставку свою фюрер построил именно в этом своем Оберзальцберге, – поморщился Донован, перечеркивая все усилия резидента. – Но речь идет о создании огромного укрепрайона под названием «Альпийская крепость». Кто для вашего агента был основным источником информации в рейхе?

– Считаю этот источник более чем авторитетным. Речь идет об оберштурмбаннфюрере Вильгельме Хёттле. Начальнике отдела службы внешней разведки РСХА в Австрии, личном представителе бригадефюрера Вальтера Шелленберга в Вене. Но мне не хотелось бы, чтобы это имя каким-то образом всплывало в окружении генерала Эйзенхауэра, поскольку есть опасение, что мы можем потерять...

– Оставьте при себе ваши опасения, Даллес, – голос начальника разведки США становился все более категоричным и резким. – Не до них сейчас. Не знаю, возникнет ли это имя в штабе Главнокомандующего объединенными силами в Европе, но хотелось бы верить, что уже завтра оно возникнет здесь, в Берне.

– Но это... невозможно.

– Невозможно верить в появление бесчисленного множества подземных крепостей фюрера, на всем пространстве от преисподней Антарктиды до фиордов Норвегии. Со всем остальным как-нибудь свыкнемся.

– Хотите, чтобы я срочно вызвал Хёттля в Берн? Если учитывать все меры предосторожности, то сделать это будет очень сложно.

Донован впервые улыбнулся. На лице его вырисовалась грустная улыбка крестьянина, который, присев на корочки в конце грядки, обнаружил, что взрастил совершенно не тот овощ, который рассчитывал увидеть, высеивая весной семена.

– Не настолько сложно, как вам кажется, Даллес. Вы опять все усложняете. Мы его уже вызвали.

– Как-ким образом? – запинаясь спросил Даллес.

– Через наши каналы в Мадриде, естественно.

«Как и следовало предположить, – произнес про себя Даллес. – Через Мадрид, через мою голову, и даже не посоветовавшись со мной, не поставив в известность, хотя речь идет о моем давнишнем источнике. Несправедливо!». Не приходилось сомневаться, что его умышленно обходят, а значит, акции его в европейском отделе внешней разведки в самом деле падают. Причем стремительно.

– Если все пойдет по плану, завтра оберштурмбаннфюрер Хёттль уже будет в Швейцарии, – игнорировал его амбиции шеф УСС. – Добираться сюда из Вены несложно. Тем более что благодаря счастливому стечению обстоятельств он прибудет под самым благовидным предлогом. Правда, под чужим именем, зато – сопровождая рейхсмедика СС, профессора Карла Гебхардта²⁷, на конгресс по проблемам эпидемиологии, организованный Международным Красным Крестом и Международным советом врачей-эпидемиологов.

– Удачный ход, – пробормотал Даллес, поймав себя на том, что понятия не имеет о предстоящем Международном конгрессе медиков, хотя обязан был бы. Разве что само же руководство УСС и организывает его в убийственно спешном порядке.

– Собрание медицинских светил, правда, начнется лишь через три дня после их прибытия. Но почему бы известному профессору Гебхардту не воспользоваться случаем, чтобы пообщаться со своими коллегами в Берне?

– Логично, – хрипловато проворчал Аллен.

Услышав о визите профессора Гебхардта, он заметно успокоился: лучшего прикрытия для Хёттля не придумаешь. Этого рейхсмедика СС многие врачи Европы знали в лицо, его работы изучали, они вызвали заинтересованные споры. Как серьезному ученому, ему прощались служба в СС, а представители Красного Креста ценили его за протекции, к которым он время от времени прибегал, облегчая деятельность представителей этой организации и в самой Германии и, что особенно было важно, в контролируемых СС концлагерях и на оккупированных территориях.

²⁷ Речь идет об исторической личности, известном германском враче, начальнике медицинской службы войск СС, группенфюрере СС и генерал-лейтенанте войск СС, профессоре Карле Гебхардте, который был личным секретным агентом Отто Скорцени. Пользуясь своим статусом медика, он, по поручению Скорцени, под различными предлогами, не раз посещал Испанию, Португалию и Швейцарию, где вступал в секретные переговоры с представителями американских спецслужб, американского правительства и командования. Именно через него американская разведка рассчитывала заполучить в свои ряды самого Скорцени и нескольких его ближайших соратников, в том числе и Вильгельма Хёттля.

Несколько раз он даже вступался за медиков, попавшихся в сети СД или гестапо. Иное дело, что прибегал Гебхардт к этим реверансам с тайного согласия Главного управления имперской безопасности. Даллес даже не сомневался в том, что некоторых ученых-медиков специально загоняли на какое-то время в подвалы тайной полиции рейха, чтобы затем предоставить возможность Гебхардту мужественно вступаться за них, как за своих коллег. После чего он появлялся на очередном международном конгрессе в роли благодетеля, а вот в каких ролях оказывались в дальнейшем освобожденные им из гестапо медики – это еще подлежало расследованию. Но ведь времена такие, что выбирать не приходилось. Тем более, когда речь шла о подвалах гестапо и концлагерях.

Гебхардта прекрасно знали в американском посольстве в Мадриде, там его ценили, как человека, благодаря которому можно было свободно выходить на Скорцени, а через него – на Кальтенбруннера и даже Гимmlера. И если до сих его курьерские усилия не привели к каким-то осязаемым результатам, то лишь потому, что основные политические решения принимаются не в стенах посольства и не на явочных квартирах разведывательных резидентур, а в высших эшелонах власти.

13

Когда Мюллер, уходящий последним, закрыл за собой дверь, фюрер как-то заметно оживился, в кресло сел свободно – почти в профиль, облокотясь правой рукой о стол и забросив ногу за ногу. Подбородок при этом он попытался уложить на плечо.

– То, о чем мы сейчас поведем разговор, известно будет только нам троим. – Скорцени и Борман сидел по разные стороны стола, однако Гитлеру это не мешало, взгляд его был нацелен в пространство между окнами. Это был взгляд в себя, в никуда. – Вы, Скорцени, находитесь здесь как мой специальный секретный агент по особым поручениям²⁸. Вы еще помните об этой вашей должности?

– Помню, мой фюрер.

– Я давненько не напоминал вам о ней.

– В последний раз во время переворота в Венгрии, когда надлежало арестовать и доставить в Берлин правителя этой страны адмирала Хорти²⁹ и нескольких людей из его ближайшего окружения.

Фюрер загадочно улыбнулся и нетерпеливо, нервно постучал худыми, дрожащими пальцами по столу.

– Это была прекрасная операция. Что скажешь, Борман?

– Благодаря тому, что нам удалось убрать Хорти и поставить на его место Салаша, Венгрия до сих пор с нами, а не поставляет свои полки русским, как это делает румынский король Михай.

Вновь улыбка, теперь еще более романтическая, нежели предыдущая, и вновь постукивание пальцами и приплясывающее какое-то подергивание ноги, все еще остающейся навесу.

– Дело даже не в этом, Борман. Она прекрасна сама по себе.

Мартин хитровато взглянул на Скорцени, «дескать, радуйся, фюрер все еще не забывает о тебе».

Для болезненно-шепетильного в отношениях с Гитлером рейхслайтера Мартина это всегда было важно: что фюрер все еще помнит о нем, о ком-то из своего окружения. Саму мысль фюрера о любом из своих подчиненных он воспринимал, как мироточивую благодать отца нации.

Правда, Скорцени не мог понять, насколько правдива эта трепетность Бормана. Насколько приемлемо это понятие по отношению к человеку, не раз позволявшему себе в узком кругу называть фюрера не только Гитлером, но и... Шикльгрубером, напоминая присутствующим о давно забытой истинной фамилии вождя и тем самым явственно приземляя его.

Вот и сейчас обер-диверсант уловил некую завистливую хитринку во взгляде заместителя фюрера по партии, но сам в это время внимательно следил за каждым движением Гитлера, за почти счастливым выражением лица. Он понимал, что не так уж и часто приходится фюреру в последние дни переживать такие вот счастливые минуты. «Нет, не счастливые, – поправил себя Скорцени. – Это неточное выражение. Скорее – минуты светлых переживаний. Именно так, – остался доволен своими филологическими изысканиями – светлых переживаний».

– Я часто вспоминаю эти прекрасные операции, когда Скорцени доставлял мне сюда спасенного Муссолини, которого раньше все почему-то считали моим учителем; или усмирненного

²⁸ Эту должность фюрер ввел для Скорцени во время операции по освобождению дуче Муссолини. С одной стороны, она позволяла Гитлеру выводить обер-диверсанта рейха из его непосредственного подчинения как начальника отдела диверсий РСХА начальнику этого главного управления Кальтенбруннеру и даже Гиммлеру; с другой стороны эта должность наделяла его особыми полномочиями, позволявшими при его удивительно низких чинах (капитана и майора войск СС) командовать в ходе операций полковниками и даже генералами.

²⁹ Этой операции посвящен роман «Операция „Цитадель“».

дунайского адмирала Хорти... Когда впавший в панику папа римский готов был куда угодно бежать из Ватикана³⁰, только бы не попасться в руки Отто.

– Жаль только, что буквально в последний день эту операцию... пришлось отменить, – слегка замялся Скорцени, не решившись прямо упрекнуть Гитлера в том, что срыв операции «Черный кардинал» полностью лежит на его собственной совести.

Фюрер догадывался, что Скорцени вряд ли сможет когда-либо простить ему отмену операции, которую он так тщательно готовил. Будучи на месте Отто, он и сам не простил бы. Еще бы: отнять у диверсанта такой слиток славы! Но и деликатность обер-диверсанта рейха тоже не осталась им не замеченной. Впрочем, какие уж тут могут быть оправдания? Так складывалась политическая ситуация. Нельзя было окончательно восстанавливать против себя весь католический, да что там, весь христианский мир. Поэтому, выслушав своего агента по особым поручениям, Гитлер лишь многозначительно взмахнул рукой: «Дескать, что уж тут?..», и, не теряя прекрасного расположения духа, продолжил:

– А как наш любимчик богов Черчилль унижительно просил Сталина усилить натиск на всех своих фронтах, потому что боялся, как бы, после наступления в Арденнах, наши «фридентальские коршуны» не сошвырнули его вояк назад в Ла-Манш? Мало мы проводили таких операций, признаю: мало. Хотя каждая из них стоила любой из выигранных нами битв на полях сражений. Эти операции будут изучать, Скорцени. По ним станут определять нашу мощь и сочинять легенды о нас. На их примерах в разведывательно-диверсионных школах всех европейских стран будут готовить будущую диверсионную элиту.

– Благодарю, мой фюрер, – едва слышно проворчал обер-диверсант, прекрасно понимая, что оставил-то его Гитлер не ради подобных воспоминаний. Просто на какое-то время его повело. – Если я верно понял, ожидается какая-то не менее важная операция?

Гитлер воспринял вопрос, как подстегивание со стороны Скорцени: «Ближе к сути задания», но этому парню он готов был простить любую вольность. Скорцени оставался одним из немногих в рейхе, на кого он все еще по-настоящему мог рассчитывать, помня при этом о мужестве и воинской удаче этого бойца.

– Как я уже сказал, ты, Борман, обязан слетать в Альпы и окончательно наметить места наших тайников. Таких мест должно появиться не менее двух десятков. Причем некоторые должны оказаться подставными. Чтобы тот, кто очень напористо будет искать «золото рейха», наподобие того, как ищут золото инков, нашел их и успокоился.

– Их будет не менее двадцати, – покорно склонил свою массивную голову Мартин.

– Но даже эти тайники должны даваться кладоискателям трудно, с кровью и под постоянной угрозой. Те, кто зарится на наши клады, наше наследство для потомков, должны постоянно ощущать, что сокровища рейха находятся под контролем и надежной защитой. Сколько бы лет не прошло после войны.

– Я так понимаю, что эту задачу мы как раз и возложим на «фридентальских коршунов» Скорцени, – поспешил отнестись к сонму руководителей Борман.

– Да, оберштурмбаннфюрер, – согласился Гитлер, – на вас возлагается задача создать организацию, которая после завершения войны ушла бы в подполье и занялась охраной сокровищ. Всякий, кто выскажет хоть какую-то заинтересованность в поисках сокровищ, тут же должен быть строжайше предупрежден, а в случае неповиновения, наказан.

– При том, что самим этим бойцам будут известны лишь районы размещения имперских кладов, – предостерег и Скорцени, и фюрера Мартин Борман. – Истинными же храните-

³⁰ Речь идет о малоизвестной операции по похищению папы римского «Черный кардинал», целью которой был захват и доставка папы Пия XII и нескольких кардиналов в Берлин. Гитлер действительно отменил ее осуществление буквально в последний день. Этой операции посвящен роман «Черный легион».

лями кладов станут лишь несколько наиболее доверенных лиц, которые смогут изъять ценности только по приказу высшего руководства рейха, которое тоже будет действовать в подполье.

– По численности эта организация должна быть небольшой, – вновь перенял инициативу фюрер, – зато решительной и действенной. В частности, она должна обладать своей разведкой и контрразведкой, своей сетью информаторов, а главное, в ее подчинении должны находиться подвижные отряды, способные реагировать на любую попытку проникновения в тот или иной тайник.

– К тому же в нее должна входить часть людей, которых просто невозможно заподозрить в связях с неким армейско-диверсионным подпольем, – развил его мысль теперь уже сам Скорцени, – а тем более – в связях с подпольными хранителями сокровищ Третьего рейха. Причем этим людям придется засвидетельствовать перед новыми властями свою лояльность.

– Вы правильно понимаете задачу. Кстати, будет предусмотрено, что какую-то часть сокровищ мы умышленно будем открывать, но только государственным кладоискателям и только в том случае, когда убедимся, что к власти в Германии пришли ее истинные патриоты³¹, нацеленные на возрождение Германии, но без участия в ее жизни евреев и коммунистов.

– Однако сама эта охрана потребует определенного финансирования, в том числе – для закупки жилья, изготовления документов, содержания агентурной сети.

– Финансовыми вопросами займется человек, который будет находиться под контролем Бормана. Причем девизом его деятельности должен стать мой приказ: «Не скупиться!».

Борман и Скорцени вопросительно переглянулись. Отто, конечно, предпочел бы уже сейчас услышать имя этого человека, по опыту зная, насколько сложно утрясать подобные нюансы, когда речь идет о решении кого-то из высшего руководства. Однако изменить уже ничего нельзя было.

– Такой человек у меня на примете есть, – кивнул Мартин, по-своему истолковав его озабоченность. – Завтра же он предстанет перед вами.

³¹ Здесь автор устами фюрера выдвигает свою версию того, почему некоторые весьма солидные имперские вклады всплывали как-то совершенно неожиданно и именно тогда, когда они крайне нужны были западногерманскому правительству.

14

Название свое «Каминный» этот зал получил из-за двух, малахитовым кафелем украшенных, каминов, между которыми располагались Т-образно скомпонованные дубовые столы, обставленные черными, грубо сработанными дубовыми креслами. Почти все остальное пространство было заставлено статуями облаченных в бычью кожу и сталь рыцарей разных армий и эпох, а также завешано всевозможным оружием.

Несмотря на то, что старый граф уже сидел во главе стола – в высоком, поистине королевском кресле, установленном на специальной возвышенности, – штурмбаннфюрер не занял своего места, пока не осмотрел всю коллекцию. В его родовом замке Штубербурге такого набора оружия и стальных манекенов не было.

Однажды Вилли поинтересовался у отца, почему их предки сторонились традиции собирательства мечей и щитов, но отец, ни минуты не раздумывая, ответил: «Оружием следует блистать в бою, а не во время домашних пиршеств». И по тому, сколь уверенно Штубер-старший произнес эти слова, можно было догадаться, что заключается в них не просто «мысль под настроение», а выверенное убеждение. Возможно, Вилли решился бы нарушить эту традицию и еще до войны сформировал по-настоящему богатое собрание старинного оружия. Но случилось так, что «коллекционировать» пришлось оружие вполне современное, да к тому же в разведывательно-диверсионной школе.

– Поскольку вы, барон, уже не раз заводили речь о баварских сепаратистах, – проговорил граф, наблюдая, как дворецкий наполняет вином стоявшие перед ним и гостями кубки, – то сразу же должен изложить взгляды членов королевской династии Виттельсбахов и породненных с ней родов, к коим относится и славный рыцарский род Ленцов. – Мы, естественно, будем настаивать на возрождении независимого королевства Баварии, иначе само существование королевского совета, к коему я тоже имею честь принадлежать, стало бы бессмысленным.

«Интересно, знает ли о существовании некоего „королевского совета баварских сепаратистов“ шеф гестапо? – язвительно спросил себя барон. – Хотелось бы видеть выражение его лица во время политической исповеди этого графа».

– Однако вопрос о судьбе Баварии, – продолжил свою мысль фон Ленц уже после того, как, по его же предложению, офицеры выпили «за здоровье великого австрийца Адольфа Гитлера», – мы будем поднимать перед монархами и правительствами Европы лишь после того, как окончательно будет решена судьба нынешнего рейха. Судя по настроениям представителей других германских монархических династий, тогда же будет поставлен вопрос о независимости Австрии, а, возможно, и Саксонии.

– Затем последуют Пруссия, Померания, Швабия... Бедный рейх, несчастная Германия.

– Не кажется ли вам, барон, что все ее несчастья происходят от нереализованности имперских амбиций? Но это уже спор философский, поэтому остановимся на том, что мы не желаем, чтобы потомки списывали поражение войск фюрера на предательство баварских, австрийских или саксонских сепаратистов.

– Откровенно и достаточно храбро, – признал фон Штубер, учтиво склонив голову.

– Само понятие «предательство» несовместимо с традициями нашего рода, который всегда отличался тем, что в одинаковой степени постигал искусство и войны, и дипломатии. Поэтому, барон, вы вполне можете располагать замком и мной в тех целях, с которыми прибыли сюда.

– В том числе, надеюсь, подземельями замка и хребта Альпеншорт?

– Не знаю, есть ли в этом смысл, – пожал плечами граф.

Вместе с ним барон проследил за тем, как обер-ефрейтор в очередной раз наполняет небольшие кубки вином и лишь после завершения этой процедуры сказал:

– Считаете, что эти подземные лабиринты слишком ненадежны?

– Во-первых, их очень легко блокировать, заживо замуровав тысячи людей вместе с арсеналом и запасами продовольствия. Но дело даже не в этом. Их, как и все пространство вокруг замка, следовало готовить к обороне давно, бросая сюда тысячи рабочих, технику, оборудование для подземных предприятий, запасы оружия и продовольствия.

История повторяется, подумалось Штуберу. Монументальность и кажущаяся неприступность подземелий мгновенно развеивается перед практикой их блокады. И все же что-то привлекает нас в этих подземельях. Неужели стремление как можно глубже уйти в призрачный мир грез и привидений, спрятаться от всего того военного кошмара, который сами же и сотворили на поверхности Земли?

– Очевидно, в рейхсканцелярии полагают, что у нас все еще есть время, чтобы соорудить большой, полноценный укрепрайон.

– Допускаю, что людям из рейхсканцелярии очень хочется верить в это. На самом же деле времени у вас нет, – резко подытожил граф. И Штубер не мог не заметить, что фон Ленц сказал «у вас», уже отмежевываясь от всего, что побуждает фюрера и его окружение искать последнего пристанища в Альпах. – Ни сил, ни желания.

– И желания? – проворчал Штубер, задумчиво рассматривая содержимое массивного хрустального кубка.

– А что вас удивляет, барон? Все настолько устали, что мечтают только об одном: поскорее бы все это закончилось. Как угодно, лишь бы... закончилось. Кстати, вы не первый, кто пытается создать здесь цитадель «Альпийской крепости». Еще в сентябре эту долину, прилегающие горы и хребты обшарили солдаты особого горно-егерского отряда, прибывшего сюда по личному приказу рейхсмаршала Геринга.

– Вот как? Хотите сказать, что Геринг значительно опередил Скорцени?

Граф сделал еще несколько глотков вина, закурил сигарету и, задумчиво глядя в пылающее зеву камина, открывавшееся ему по ту сторону стола, произнес:

– Так ведь именно в мозгу рейхсмаршала, насколько я понимаю, и зарождалась сама идея «Альпийской крепости». И название это первым произнес он, сидя за этим вот столом. Хотя, если честно, почести, которые были оказаны ему, объяснялись не его нынешним положением, а тем восторгом, который он вызывает у меня как пилот.

– Геринг? Как пилот?

– Как лучший пилот Первой мировой, барон. Не случись этой войны, он так и вошел бы в историю Германии, как самый искусный пилот той, кстати, тоже безрадостной для нации, войны.

Едва граф произнес это, как появился прибывший вместе с ними на броневике радист, который успел развернуть свою рацию и наладить связь.

– Господин обер-лейтенант, – обратился он к своему командиру. – Полтора часа назад в Рейншток прибыл личный представитель Геринга полковник Ведлинг.

– Ведлинг?! – вырвалось у Штубера. – Он прибывает один?

Барону так и хотелось услышать вслед за именем полковника имя его подчиненной Софи Жернички³².

– Не могу знать. Названо было только его имя. Велено сообщить, что он движется сюда, чтобы встретиться с вами, господин обер-лейтенант, и штурмбаннфюрером Штубером.

– Так вы тоже знакомы с Ведлингом, барон? – приятно удивился фон Ленц.

– Скорее заочно.

³² Действия с участием личных представителей Геринга полковника Ведлинга и обер-лейтенанта Софи Жернички развиваются в романе «Восставший гарнизон», тематически предшествующем этому роману.

– Мир и так слишком тесен, а войны, по-моему, сужают его до беспредела. Именно этот офицер, Ведлинг, тогда еще подполковник, и возглавлял горно-егерский отряд, изучавший пещеры и подземные ходы в окрестностях моего замка.

– Мне приходилось сталкиваться с ним еще на восточном берегу Одера. Тогда рядом с ним находилась обер-лейтенант Софи Жернилки, тоже личный представитель Геринга.

– Нет, под его командой находилось двенадцать солдат, четверо из которых были настоящими альпинистами. Единственной женщиной, привлечшей здесь внимание полковника, была моя племянница Альберта, в прошлом альпинистка, покорившая, как следует из имеющихся у нее бумаг, шесть известных в альпинистском мире вершин. Правда, к полковнику она потеряла интерес сразу же, как только обнаружила, что он страдает горной болезнью и вообще панически боится высоты.

– Легчик Ведлинг боится высоты?! Это следует воспринимать как шутку?

– Воспринимать это можно по-разному, но факт есть факт. Ведлинг действительно начинал как пилот, но вскоре был списан по состоянию здоровья и чины свои добывал уже во всяких вспомогательных службах люфтваффе. А что касается страха высоты... По заверению полковника, для него, экс-пилота, подобного рода страх тоже оказался полной неожиданностью, поскольку раньше этого за ним не замечалось.

– Стоит предположить, что графиня Альберта прекрасно знает окрестные горы? – осторожно поинтересовался Штубер.

Движением подбородка граф вновь приказал обер-ефрейтору Кляйну наполнить бокалы, предупредив, что на этом застолье будет завершено, и только тогда ответил:

– Сейчас она в Рейнштоке, присматривает за моей больной женой. Возможно, я приглашу ее сюда на пару дней, но с условием, что вы, лейтенант Торнарт, не станете подталкивать ее к тому, чтобы она вновь начала возиться со своим альпинистским снаряжением.

– Ни в коем случае, – покаянно произнес командир альпийских стрелков, однако граф решительно взмахнул рукой.

– Вы уже давали подобные обещания, лейтенант, поэтому позвольте вам не поверить.

– Что весьма опрометчиво с вашей стороны, граф. – Благодородное, почти аристократическое лицо Торнарта по-прежнему оставалось снисходительно-невозмутимым. Тем не менее теперь Штубер понял, что связывает старого графа с этим, гвардейского вида красавцем. – Графиня Альберта рождена для гор, это очевидно.

– Кому... очевидно? – уставился граф на лейтенанта. – Вам, с вашим легкомысленным отношением ко всему, что имеет отношение к суровой реальности жизни?

– Впервые слышу о таком недостатке, барон? – решил апеллировать лейтенант в Штуберу, не столько для того, чтобы найти у него поддержку, сколько для того, чтобы как-то выйти из неловкой ситуации. – Мы, альпийские стрелки, суровые люди гор... Нам ли слышать о таких слабостях?

– О возрасте дам распространяться не принято, – апеллировал к Штуберу теперь уже граф фон Ленц, – но, увы... Альберте под сорок, для женщины – это возраст. Почему она по-прежнему рвется в горы – для меня остается загадкой. Но она в самом деле рвется.

– Знакомый всем альпинистам «зов гор», – попытался подсказать ответ обер-лейтенант Зонбах. – Психология «человека гор», как любит выражаться лейтенант Торнарт.

– Легкомысленное объяснение, Зонбах, – парировал граф, – убийственно легкомысленное. Порой у меня складывается впечатление, что наша альпинистка решила умереть задолго до наступления старости, причем обязательно – на склонах одной из вершин. Надеюсь, вы не это имели в виду, когда говорили о «зове гор», обер-лейтенант?

– Что вы?! Боже упаси! – отшатнулся специалист по секретным посадочным полосам. – Мое отношение к графине Альберте общеизвестно. Я всегда старался...

– Не посвящайте нас в свои чувства, Зонбах. Лично меня они совершенно не интересуют. Но из-за этого вашего «зова гор», я редко позволяю ей навещать в Шварцбург.

– Этот упрек все еще адресован мне, случайно подключившемуся к вашему разговору, – ехидно поинтересовался создатель секретных аэродромов, – или уже настоящему «виновнику сего торжества» лейтенанту Торнарту?

«„А вот вам, господа актеры, и драматический треугольник“, – воскликнул Шекспир, воинственно врубаясь пером в пергамент, – мысленно продекламировал самого себя Штубер. – Информация для тебя совершенно излишняя, тем не менее владеть кое-какими подробностями местного бытия никогда не помешает. Особенно если осаду „Альпийской крепости“ в самом деле придется переживать в стенах этого замка».

– Кстати, графиня Альберта является фанатичной поклонницей фюрера, – вдруг хмельно улыбнулся Торнарт, вновь обращаясь к Штуберу. Предвзятое отношение к себе графа он воспринимал со стоической невозмутимостью. – Настолько фанатичной, что было время, когда графиня Альберта, из самых благородных побуждений, мечтала родить от него сына. Однажды даже...

– Хватит, Торнарт! – вдруг грохнул ладонью по краю стола фон Ленц. – Я сказал: хватит об этом! Не первый случай, когда вы затеваете разговор о девичьих грезах и порывах графини, хотя знаете, насколько мне неприятно слышать об этом ее увлечении. Возможно, потому и затеваете, что Альберта не только отказалась стать вашей женой, но и решительно запретила ухаживать за ней.

Штубер понял, что оказался в центре какой-то давней родовой драмы графского дома фон Ленцев и, решительно поднявшись, поблагодарил хозяина бурга за гостеприимство. Но решил, что с ретивой альпинисткой Альбертой стоило бы познакомиться поближе. Уж кто-кто, а покорители горных высот и всевозможных глубин нужны теперь службе безопасности, как никогда. Особенно такие вот фанатичные, готовые рожать... даже от самого фюрера.

15

И Скорцени, и Борман уже уперлись руками о стол, будучи уверенными, что на этом разговор завершен. Каковым же оказалось их удивление, когда, загадочно улыбнувшись, фюрер неожиданно произнес:

– Итак, несколько второстепенных вопросов мы с вами, господа, обсудили. Теперь пришла пора заняться самым важным. Да, на территории рейха мы заложим несколько тайников с золотом и прочими ценностями. Мало того, наши службы станут распространять слухи о несметных богатствах этих кладов, организовав при этом их охрану. Чего мы достигнем, создав весь этот ажиотаж? Того, что на многие десятилетия будет отвлечено внимание от главного нашего тайника – «Базы-211» в Антарктиде.

– Этот вопрос действительно нельзя было не затронуть, – тяжело, по-медвежьи заворочался Мартин. – Хотя мне уже показалось...

– Потому что на самом деле, – проигнорировал его реплику фюрер, – именно туда, в подземелья «Рейх-Антарктиды», на земли «Райского сада»³³, как раз и должны уйти основные сокровища рейха, которые позволят создать там свой золотовалютный запас. Я не стану объяснять, что благодаря этим сокровищам на подставных лиц можно будет создать целевые банки в Латинской Америке и пооткрывать счета в ведущих банках мира, чтобы опять же на подставных лиц приобретать все то, что может понадобится рейх-антарктам. Это понятно. Куда важнее для нас с вами понять, что финансовая, территориальная и продовольственная независимость – всего лишь вершина создаваемого нами айсберга. В основании же его – все те образцы военной и прочей техники, которые мы должны немедленно перебросить в Антарктиду вместе с секретными цехами заводов, технической документацией и ведущими специалистами³⁴. Именно там мы должны производить свои боевые и галактические «солнечные диски», там строить новые типы ракеты «Фау» и создавать свою сверхмощную атомную бомбу; там совершенствовать методики сотворения зомби, познания возможностей «снежного человека» и всех прочих тайнознаний как основы появления новой расы землян.

Тут фюрер явно увлекся, впадая в одно из тех эйфорических течений своей фантазии, вырывать из которого его всегда было крайне сложно, опасно, а главное, бессмысленно. Он говорил о связях с Шамбалой, о решении Высших Посвященных перенести эксперимент по созданию новой арийской расы в подземелья Антарктиды, дабы таким образом спасти наследников нынешнего рейха от гнева и неблагодарности остальных землян, а также от ожидающих в недавнем будущем планету «климатических катастроф».

Размечтавшись, Гитлер проигнорировал объявленную в рейхсканцелярии воздушную тревогу, отказавшись, по настоятельной просьбе адъютанта, спуститься в бункер. Он уже весь был поглощен своим духовным исходом в Рейх-Атлантиду, он вновь чувствовал себя под защитой Шамбалы и «властительных теней предков», вновь мысленно перевоплощался в мудрого и повелительного вождя-наставника рейхатлантов.

– Простите, мой фюрер, – обратился Скорцени к итогам антарктических экзальтаций Гитлера, – но, как диверсант, я всегда люблю предельную ясность в мыслях и целях. Следует

³³ По одной из версий, название «Райский сад» получил огромный климатический оазис, площадью порядка 5 тысяч квадратных километров, якобы обнаруженный немцами в 1941 году в Антарктиде. Наличие этой «теплой антарктической страны», с тонким слоем плодородного грунта и незамерзающими пресными озерами, в соединении с системой теплых подземных пустот, как раз и позволило германским первопроходцам создать свой «Антарктический рейх», свою антарктическую «Вальгаллу».

³⁴ Одна из версий освоения «Рейх-Антарктиды» («Рейх-Атлантиды»), которое происходило в контакте с уже существующей в недрах Ледового континента древней цивилизацией атлантов, пребывающих под опекой Высших Посвященных Шамбалы, художественно разработана в романах «Антарктида: Четвертый рейх» и «Субмарины уходят в вечность».

ли понимать вас так, что и создание тайников, и создание самой «Альпийской крепости» – всего лишь большой военно-политический блеф, позволяющий нам не привлекать внимания к созданию нового рейха в Антарктиде?

– Ясности, ясности!. – пробубнил Гитлер поднимаясь из-за стола и прохаживаясь по кабинету. Борман и Скорцени тоже подхватились, но движением руки фюрер заставил их вернуться в свои кресла. – Все требуют полной и окончательной ясности, которой в данной ситуации нет и быть не может. Только вчера, – остановился Гитлер по ту сторону приставного конференц-стола, напротив обер-диверсанта рейха, – Борман настаивал, чтобы уже сейчас я оставил Берлин и перенес свою рейхсканцелярию в «Бергхоф», превратив в новую столицу рейха известный вам городок Берхтесгаден.

Скорцени это признание фюрера удивило. Во-первых, он был убежден, что Борман как раз выступает противником переезда фюрера в альпийскую ставку «Бергхоф». От ведь сам был свидетелем того, как накануне недавнего совещания в замке Вебельсберг, в окрестностях Падерборна³⁵, заместитель фюрера по партии и его личный секретарь, с кем-то полемизируя, высказывал недовольство тем, что Гитлер почти безвыездно сидит в своей ставке «Фольфшанце» в Восточной Пруссии. Борман тогда говорил: «Фюрер при любых обстоятельствах должен оставаться в Берлине. Особенно сейчас, когда решается судьба рейха. Ни о каком переезде в „Бергхоф“ тоже не может быть и речи. Фюрер всегда должен оставаться символом и олицетворением, а при создавшихся обстоятельствах он способен оставаться таковым, только находясь в Берлине!». Но что поделаешь, очевидно, даже Борман порой способен менять свое мнение.

А во-вторых, Гитлер явно апеллировал к нему в стремлении противостоять натиску Бормана. Это наталкивало на мысль, что в стремлении во что бы то ни стало выманить его из столицы Гитлер уже узревал некую попытку отстранения от реальной власти. К длительному пребыванию фюрера в «Вольфшанце» мир давно привык, а вот как ему объяснить отъезд в «Бергхоф» в момент, когда враги рвутся к столице?.

– Я и сейчас настаиваю на отъезде, – неожиданно твердо объявил Мартин. – Вы должны оставить столицу, пока это еще возможно, пока она не оказалась в окружении. А главное, пока у нас еще есть время полноценно развернуть деятельность рейхсканцелярии и правительства в Альпах. Кроме всего прочего, это позволило бы приступить к созданию «Альпийской крепости», наделило бы ее создание высшим, государственным смыслом.

Фюрер загадочно ухмыльнулся.

– Вы сами все слышали, Скорцени. Я хочу, чтобы вы, Мартин, как можно чаще высказывали это мнение в обществе самых различных людей, а вы, Скорцени, с помощью своих командос, должны развернуть грандиозную кампанию по дезинформации англо-американцев относительно «Альпийской крепости». Я не зря оставил в Альпах 6-ю танковую армию СС Дитриха, начальника моей личной охраны. Это аргумент. Как и тридцать тысяч отлетавшихся бездельников Геринга, – это сильный аргумент.

– Собственно, такая кампания уже начата, мы... – попытался было информировать его Скорцени, однако договорить ему Гитлер не позволил. Да и Борман вполголоса, сквозь сжатые губы процедил:

– Слушайте, оберштурмбаннфюрер, слушайте. Говорить будете, когда разрешат.

– Пусть ваши агенты, – взвинчивал свой голос, свои жесты, сами нервы свои Гитлер, – сообщают западным коллегам о переброске в Альпы все новых и новых дивизий, заводов, фабрик и всевозможных лабораторий. Пусть они подбрасывают им совершенно секретные све-

³⁵ Гитлер и Гиммлер считали этот замок, расположенный неподалеку от Падерборна, земля Северный Рейн-Вестфалия, чем-то подобным главному храму СС и проводили там совещания высшего руководства СС и НСДАП.

дения о строительстве аэродромов, дотов и огромного количества всевозможных подземных складов.

– Мы немедленно развернем эту кампанию, – все же не удержался от словесной реакции Скорцени, как только уловил, что фюрер пытается выдержать небольшую паузу.

– Пусть, по их словам, все население Альп и всех беженцев мы вооружаем и обучаем ведению партизанской войны; пусть тысячи наших солдат-зомби денно и ночью прокладывают в горах новые штреки и ходы соединения между уже существующими пещерами и карстовыми пустотами, создают минные поля и налаживают глубоко под землей новейшие виды оружия возмездия. Американцы, которые стратегически нацелены на этот район, должны жить в ожидании мощнейшего многомесячного сопротивления их войскам, в то время как наши дипломаты будут вести секретные переговоры с русскими. Регулярно сообщайте им о подготовке многотысячных отрядов смертников-зомби, снайперов и диверсантов, которые не знают страха смерти, не чувствуют боли при ранениях и ни при каких обстоятельствах не оставляют поле боя без приказа своего специального инструктора. Пусть американцы снимают свои войска с берлинского направления и нацеливают на Альпы. А мы в это время будем тайно создавать нашу Рейх-Атлантиду. У вас есть специалист, который конкретно занялся бы этой дезинформационной кампанией? – обратился он к Скорцени.

– Есть. Оберштурмбаннфюрер Вильгельм Хёттль. Начальник службы безопасности района Балкан и Италии, чье управление находится в Вене.

– Тот самый, который принимал участие в подготовке свержения адмирала Хорти? – оживился Гитлер.

– Тот самый, которого мы вплотную привлекали к венгерским событиям. Я признателен вам, фюрер, что вы дали согласие на проведение масштабной дезинформационной операции, которую мы уже начали. Не далее как завтра Хёттль, под чужими документами и под благовидным предлогом, будет в Швейцарии и встретится с одним из высоких, очень высоких чинов американской разведки. Возможно, даже с самым генералом Донованом, руководителем Управления стратегических служб США, который тоже окажется там под каким-то благовидным предлогом и тоже под чужим именем.

Брови Гитлера поползли вверх, он улыбнулся так радостно, как уже давно-давно не улыбался. Это было озарение человека, который вдруг ощутил прилив надежды.

– С самим генералом Донованом? – спросил он, возвращаясь в свое кресло.

– Мы попытаемся выйти на него через резидента УСС в Швейцарии. Трудно сказать, как развернутся события на самом деле, но Шелленберг, его агенты внешней разведки, тоже убеждены, что намечается прибытие Донована в Берн.

– Сведения надежные?

– Сразу несколько источников сообщило, что состоялась встреча Донована с генералом Эйзенхауэром, командующим объединенными силами союзников в Европе. Так вот Эйзенхауэр занервничал как раз в связи с событиями в Альпах. Он недоволен работой разведки. Генерал желает знать, что германцы в самом деле затевают в этих горах и насколько реальным выглядит создание там «Альпийской крепости». А еще их интересует: стоит ли рассчитывать на ваше, мой фюрер, прибытие туда.

– Вот видишь, Борман, американцы уже занервничали в связи с созданием «Альпийской крепости». Значит, мы все верно рассчитали. В Берн, – вновь обратился к Скорцени, – Донован прибывает по настоянию Эйзенхауэра?

– По его требованию. Говорят командующий силами в Европе отчитал Донована, назвал его людей дармоедами и потребовал точных сведений об «Альпийской крепости». В ожидании взбучки от своего шефа Даллес охотно принял подачку в виде Хёттля, который прибывает в Берн вместе с рейхсмедиком СС профессором Карлом Гебхардтом.

– Надежное прикрытие, – согласно кивнул фюрер.

Он был хорошо знаком с начальником СС санитаретсхауптамта³⁶ Гебхардтом и знал, что, пользуясь своим именем в мире медицины, тот уже неоднократно оказывал услуги СД за рубежом, особенно в Испании и Португалии. Фюрер даже знал больше, чем известно было Скорцени, – например, что именно профессор Гебхардт, по его, фюрера, тайному поручению, собирал сведения, связанные с деятельностью в этой стране шефа абвера адмирала Канариса и его доверенных людей. Слишком уж подозрительной казалась фюреру привязанность Канариса к этой стране, слишком длительными и прочными связи с «навозными жуками», как их там называли, из испанской разведки, буквально кишевшей английской агентурой.

– Причем прибывают они в Берн, – продолжил Скорцени, – на конгресс медиков-эпидемиологов, который проводится под эгидой Красного Креста и еще каких-то международных организаций. Война, все медики озабочены возможностью эпидемий...

– Почему вы сразу же не доложили мне о контактах с Донованом? – с легким упреком в голосе спросил Гитлер.

– Пока что только с резидентом в Швейцарии, – вежливо уточнил Скорцени. – Не хотелось тревожить. Рутинная работа агентов службы безопасности. Но мы с Кальтенбруннером собирались доложить вам сразу же после установления первого контакта с ним. Чтобы в последующем действовать, строго исходя из ваших указаний.

Борман сразу же уловил, что Скорцени пытается оправдать свой несанкционированный выход на Донована и, на месте фюрера, устроил бы ему такую же взбучку, какую Эйзенхауэр устроил начальнику американской разведки. Но, увы, он, Борман, все еще не фюрер, а в рейхе мало найдется людей, желающих портить отношения с «самым страшным человеком Европы», как порой называют его в английских и испанских газетах.

– Однако определенная договоренность о встрече с Донованом уже есть?

В этом Скорцени уверен не был. Он вполне допускал, что шеф Управления стратегических служб США пожелает вести переговоры через Даллеса, дабы остаться не просто в тени, а что называется, во мраке.

– Во всяком случае, мы преподносим им Хёттля, как безупречного информатора по вопросам «Альпийской крепости». Уже хотя бы потому, что он является руководителем нашей службы в Австрии, на территории которой и расположена значительная часть будущего укрепрайона.

– Тоже убедительно, – признал Гитлер. – Если только Донован пойдет на контакт, мы подключим моего личного представителя, – произнося это, он смотрел куда-то в сторону, хотя Борман жадно ловил его взгляд, рассчитывая услышать, что этим представителем станет именно он. – А пока что сохраняйте переговоры с американцами в полной секретности.

– Несомненно. Докладываю также, что я направил в район «Альпийской крепости» известного вам по операциям и в Италии, и в Венгрии штурмбаннфюрера барона фон Штубера. Ему поручено выполнять обязанности временного коменданта крепости. В течение двух лет он возглавлял антипартизанский диверсионный отряд в России.

– Антипартизанский, диверсионный? – не удержался Борман, очевидно отметив для себя, что, оказывается, существовали и такие.

– Точнее, лжепартизанский. Специальный отряд коммандос, который выдавал себя за партизан, разрушая таким образом систему партизанского движения.

– Такие специалисты нам теперь понадобятся, – подтвердил Гитлер.

– Так вот, оберштурмбаннфюрер фон Штубер уже изучает находящиеся в том районе замки и пещерные комплексы на предмет их использования, а также будет готовить базы для развертывания партизанской борьбы в тылу англо-американцев. Кстати, он специалист по замкам, у него у самого старинный родовой замок.

³⁶ СС санитаретсхауптамт – германское название Главного медицинского управления СС.

– Я знаком с его отцом, отставным генералом Карлом фон Штубером, – одобрил таким образом фюрер кандидатуру барона Штубера-младшего на должность коменданта крепости.

16

Уже после того, как они вышли из кабинета фюрера, рейхсляйтер попросил Скорцени зайти в его «скромную берлогу».

В приемной он велел адъютанту приготовить им кофе и бутерброды и обрадовался, когда тот сказал, что кипяток готов, а значит, через пару минут кофе будет на столе.

– Надолго я вас, оберштурмбаннфюрер, не задержу, но считаю, что разговор важен для нас обоих, – проговорил рейхсляйтер, наполняя рюмки испанским коньяком. – Не стану скрывать: я не всегда согласен с какими-то положениями ваших начальников – Кальтенбруннера и Гимmlера, не всегда единоклубен с ними в каких-то тактических – подчеркиваю, как правило, в сугубо тактических – вопросах.

– Это уже попросту невозможно скрывать, рейхсляйтер, – напомнил ему Отто. – Да и незачем, тем более от меня.

Кабинет Бормана оказался довольно просторным, но каким-то слишком уж неуютным, захламленным кипами бумаг, газет, старых листовок и плакатов, а еще – различными брошюрками, в одинаково безликих, коричневатых обложках. Он напоминал пристанище заговорщиков, которые, побросав все улики своего сговора, бежали из него, предательски оставив своего, обескураженного провалом, в конец растерявшегося, главаря.

– К вам, Скорцени, я отношусь с особым уважением, – заверял его тем временем «главарь» огромной, правящей в рейхе партии. – Еще с тех пор, когда вы были участником путча 89-го эсэсовского штандарта в Австрии, когда вы арестовали президента Вильгельма Микласа и федерального канцлера фон Шушнига³⁷. Нам не выгодно было раздувать политические страсти вокруг этого венского переворота, и только поэтому вы, Скорцени, уже тогда не стали национальным героем, каковым стали после освобождения Муссолини.

– Это не так уж важно.

– Неправда, Скорцени, каждый такой поступок неминуемо должен оставаться в истории нашего национально-социалистического движения, в истории рейха. Кстати, в каком чине вы тогда пребывали?

– Гауптшарфюрера³⁸.

– Всего лишь! То есть тогда вы еще даже не были офицером СС!

По-крестьянски коренастый и неповоротливый, Борман почти после каждой фразы натужно подергивал шеей, словно пробовал вырваться из туго затянутого ворота коричневой рубашки. Задав какой-либо вопрос, он с трудом запрокидывал голову и, склоняя ее на правое плечо, пытался пристально всматриваться в глаза собеседника.

– Свой первый офицерский чин, унтерштурмфюрера, я получил уже в составе дивизии «Дас Рейх», где, под командованием бригадефюрера Пауля Хауссера, воевал в Бельгии, Франции, Голландии. Но и там службу начинал в чине унтершарфюрера³⁹, а командиром взвода был назначен перед отправкой дивизии в Югославию.

³⁷ Имеются в виду события в Австрии в марте 1938 года, когда под общим руководством Германа Геринга в Вене был организован переворот, в результате которого президент и федеральный канцлер этой страны были арестованы штурмовиками 89-го штандарта СС. Командиром группы, непосредственно арестовывавшей президента и канцлера, являлся Скорцени. После переворота в Австрию вошли германские войска, а сама страна стала частью Третьего рейха. Причем в водовороте этих событий президент Австрии бесследно исчез, а канцлер оказался в концлагере.

³⁸ Чин гауптшарфюрера СС приравнивался к чину обер-фельдфебеля, то есть к последнему преофицерскому. Но это у Скорцени был чин СС как общественной военизированной организации, а свой первый чин войск СС (то есть ваффен-СС) он получил уже в дивизии «Дас Райх».

³⁹ Унтершарфюрер – унтер-офицер войск СС; унтерштурмфюрер – лейтенант войск СС. Здесь использованы биографические данные Скорцени.

– На Москву вы шли уже в чине обер-лейтенанта войск СС, – как-то хмельно кивнул массивной головой Борман. – Знаю, Скорцени, что вы всегда оставались истинным арийцем.

Они выпили за здоровье фюрера и тысячелетний рейх, которому, как оба прекрасно понимали, уже не суждено было состояться.

– Вы обратили внимание, что на заключительную беседу фюрер оставил только нас двоих. Только нас.

– Обратил, рейхсляйтер, – проворчал Скорцени.

Он, конечно, не пропустил мимо своего внимания еще и то, с какой страстностью, с каким скрытым восторгом произнес это Борман, словно дворовый мальчишка, которому позволили почистить бутсы своего кумира-футболиста.

– А почему только нас? Да потому, что фюрер понимает: в трудные дни нужно спланировать вокруг себя только самых надежных, самых преданных. Это знаковое решение, Скорцени.

– Я тоже так считаю, дьявол меня расстреляй.

– Нет-нет, – узрел рейхсляйтер в его интонациях некий налет легкомыслия. – Фюрер ничего не делает просто так, случайно, даже если действует при этом сугубо интуитивно. Все решения его – так или иначе знаковые. Ибо таков фюрер в самом своем провидении. Впрочем, об этом вам лучше поговорить с Геббельсом, – вдруг иронично поиграл он уголками губ.

– Поэтому не будем отвлекаться на публицистику, – согласился с ним Отто.

– Мне поручено организовывать тайники с сокровищами рейха, а вам приказано создать отряды, которые бы обеспечивали их безопасность, причем выполняли бы свое задание, даже спустя много лет после войны. Это еще один аргумент того, что нам следует держаться вместе, только вместе, используя при этом тех, кто нужен для нашего общего дела, и решительно отторгая тех, кто попытается нам мешать.

Он вновь наполнил рюмки, и как раз ко второму тосту появился адъютант с бутербродами, что оказалось весьма кстати, поскольку Скорцени зверски проголодался.

– Этот барон, которого вы назначили временным комендантом «Альпийской крепости»...

– Штурмбаннфюрер Вилли фон Штубер. Если вас интересует его надежность?.

– Исключительно его надежность, Скорцени. Ну а среди его пороков не приемлю только один – алчность, которая губительна для него самого и крайне опасна для всех, кто будет связан тайной «клада рейха».

– Это один из последних в этом мире истинных романтиков диверсионной службы и будущий великий психолог войны. Тема ученых трудов, над которыми он будет работать, посвящена различным характерам «человека войны». Пока мы с вами коллекционируем старинное столовое серебро, золотую церковную утварь и бесценные полотна каких-то там пока что безвестных мастеров, барон фон Штубер коллекционирует досье и личные знакомства с такими людьми, как известный вам полковник Курбатов, прошедший с группой диверсантов по тылам красных от Маньчжурии до границ рейха; как Фризское Чудовище из «Регенвурмлагеря», или пока еще мало кому известный украинский иконописец и творец «распятый» мастер Орест...

– Кстати, о мастере Оресте я уже слышал, – ожил Борман. – О нем поговорим отдельно. Что же касается Штубера, то пока что я не слышал главного.

– Любый отданный мною приказ он выполнит, – решительно произнес Скорцени, считая, что большей гарантии надежности своего подчиненного дать не в состоянии. – При этом докладывать о выполнении будет только мне.

Бормана так и подмывало добавить: «Отныне – и мне тоже», но, встретившись с непоколебимым взглядом Скорцени, он воздержался от столь опрометчивого наскока, решив, что сначала следует познакомиться с этим коллекционером «заблудших душ войны».

– Мне бы хотелось, – сказал вслух, – чтобы этот штурмбаннфюрер сопровождал меня при осмотре подземного бункера ставки «Бергхоф» и прочих потенциальных мест захоронения сокровищ рейха. Я хочу увидеть, понять, прочувствовать этого человека.

– Вполне объяснимое желание.

– Хотя я не такой уж великий психолог, как сам Штубер, но думаю, что все же смогу присмотреться к нему.

– Насколько мне известно, сейчас он находится в укрепленном замке Шварцбург графа фон Ленца.

– Этого старого баварского сепаратиста, – покачал головой Борман. – Которого давно следовало вздернуть.

– Поскольку значительная часть «Альпийской крепости» будет располагаться в дружественной нам Баварии, – поморщился Скорцени при словах «дружественной нам», то кто знает, возможно, его сепаратизм еще каким-то образом пригодится нам. Ведь не избавились же мы от кронпринца Баварии Рупрехта?

– Что действительно странно, – натужно, словно ломал сопротивление заржавевшей шестерни, повел подбородком Борман. – Ведь от руководителей Австрии Микласа и Шушнига избавлялись решительно и особо не задумываясь. Под девизом – «С врагами не панькаться! Патронов не жалеть!».

– Кто сейчас может предсказать, как обернутся события? – невозмутимо продолжил Скорцени. – Вдруг баварский, а вслед за ним и соседний, швабский, народы проснутся в своем яростном национализме как раз в тот момент, когда враги попытаются территориально и национально расчленивать рейх? И тогда все будет вырисовываться достаточно четко: кронпринца Рупрехта – в президенты, графа фон Ленца – в премьеры... Правительство – исключительно из преданных нам людей.

– Значит, вы уже всерьез рассматриваете подобный вариант исхода?

– И не только этот. Однако продолжим: если же Рупрехт предаст, что совершенно не исключено, поскольку высоким понятием чести монархии никогда не отличались, то вместо него всегда можно короновать графа фон Ленца из того же баварского королевского рода Виттельсбахов, к которому принадлежал последний король Баварии Леопольд III.

– Рассуждать о каком-то там Баварском королевстве мне, понятное дело, тошно. Однако замечу, что ситуацию вы просматриваете глубинно. Не ожидал. Честно признаю. Считал: диверсант – он и есть диверсант. А тут анализ...

– Как вы уже поняли, – не стал умиляться его комплиментами Скорцени, – замок Шварцбург рассматривается нами, как центр одного из опорных укрепрайонов, входящих в «Альпийскую крепость». Именно поэтому Штубер тщательно изучает строение самого замка, окрестные пещеры и местность. В рейхе сейчас нет офицера, который обладал бы таким опытом ведения партизанской и антипартизанской войны, как Штубер. Так что пусть ваши люди свяжутся с ним и договорятся. Мои указания последуют сегодня же.

– Признайтесь: ведь это ему будет поручено командовать отрядами прикрытия, отрядами службы безопасности этих сокровищ? Под вашим общим руководством, естественно.

– Не исключено. Разве что сумеете убедить меня, что в рукаве у вас чудом завалялся некий трефовый валет, который способен побить все козыри Штубера.

– Увы, мой шулерский рукав пуст, – подыграл ему Мартин.

17

Они пропустили еще по рюмочке коньяку, допили кофе и Скорцени вопросительно взглянул на рейхсляйтера. Он нутром чувствовал, что шулерский рукав Бормана не так уж и пуст, некий «валетик» там все же завалился.

– Вы правы, Скорцени, предчувствие вас не обманывает. Есть еще одно очень важное решение, которое мне придется принять в очень скором будущем. Подчеркиваю: очень важное. Хотел поговорить о нем сегодня же, но решил, что уместнее будет обсудить это решение уже после того, как вернусь из «Альпийской крепости».

– Если считаете, что поездка в Альпы способна каким-то образом подтолкнуть вас к этому разговору, – вежливо утвердил за ним это право Скорцени, хотя все его окружение знало: обер-диверсант терпеть не мог, когда с ним начинали говорить загадками.

Он всегда оставлял человеку право затевать или не затевать данный разговор, посвящать или не посвящать его в какие-то важные дела, но готов был пристрелить каждого, кто намекал на важность тайны, а затем отказывался говорить о ней, откладывая, передумывая и вообще самым наглым образом «торгуясь».

Очевидно, Борман принадлежал к тому же типу людей, потому что сразу же объяснил:

– Дело в том, что обсуждать нужно только тогда, когда сам я приму окончательное решение. А оно еще не принято. И приказа фюрера тоже не поступало. За те несколько дней, которые я проведу в Альпах, многое прояснится: и в Берлине, и в Баварии, и... в моей голове.

«Неужели намерен вообще больше не возвращаться в Берлин, а, перенеся свою партийную канцелярию в Берхтесгаден, или прямо в Оберзальцберг, попытается постепенно перенять на себя все функции главы державы? – взвесил его оценивающим взглядом Скорцени. – А заодно – и рейхсказначей, обладателя всех тайников с золотом СС. И дело здесь не в поручении фюрера, – рассуждал Отто, уже поднимаясь из-за стола. – Борман и сам жаждет как можно скорее побывать на своей вилле в Оберзальцберге, осмотреться в „Бергхофе“, прикинуть, какими помощниками и какими вооруженными силами он сможет располагать. Именно поэтому для него так важно наладить отношения и со мной, и с временным комендантом „крепости“ Вилли Штубером. И тогда всех прочих, кто метнется в Альпы после него – Геринга, Гимmlера, Мюллера, Кальтенбруннера – рейхсляйтер уже будет принимать у себя в „Бергхофе“, как хозяин. Или вообще не принимать!».

– Как вы считаете, Скорцени, – угрюмо провожал его Борман до самой двери, – фюрер все же решится оставить Берлин, чтобы руководить обороной из «Бергхофа»?

Борман спросил об этом так, словно только что вычитал мысли обер-диверсанта рейха.

– Об этом я и хотел спросить у вас, рейхсляйтер. И не только я. Многие хотели бы спросить о дальнейшей судьбе фюрера именно у вас, хотя и понимают, насколько это некорректно и даже опасно.

– Он не согласится, Скорцени, – хрипловато пробубнил Мартин, наклонив голову так, что чуть ли не касался теменем подбородка обер-диверсанта рейха. Но при этом смотрел он куда-то в сторону. – А ведь от этого зависит многое: и сроки обороны рейха, и ее тактика, и отношение к нам западных союзников.

– Убедившись в том, что фюрер не согласится избрать своей последней ставкой «Альпийскую крепость», вы даже просили русскую актрису Ольгу Чехову убедить его оставить Берлин и перебраться в «Бергхоф», – не стал щадить Отто заместителя фюрера по партии.

Сам тот факт, что рейхсляйтер обратился к русской актрисе, любовнице фюрера, с просьбой уговорить главу государства сменить свою правительственно-командную ставку, оставив столицу и переехав далеко в горы, показался Скорцени кощунственным. Это ж до какой стадии растерянности и нравственного падения следует дойти, чтобы такой важнейший государственный

ный вопрос, по существу, судьбу страны, высшие ее руководители начали решать, используя в качестве посредников какую-то заблудшую актрису, любовницу, да к тому же из русских и наверняка подосланную или уже здесь, в рейхе, завербованную?!

– Она отказалась это делать, – сокрушенно покачал чуть ли не на грудь Скорцени склонной головой Борман, даже не понимая, как низко падает в глазах «самого страшного человека Европы». – Она, как и Ева, не стала уговаривать фюрера, чтобы он попытался спасти свою жизнь.

– По этому поводу вы обращались уже и к фрау Еве Браун? – не сумел, да и не захотел скрыть своего сарказма Скорцени.

Ева Браун, Ольга Чехова... Кого еще из любовниц привлекал Борман для того, чтобы решать: где, когда и каким образом Гитлер должен определяться со своей ставкой главнокомандующего и канцелярией фюрера?! Правда, при этом обер-диверсант рейха не исключал, что таким способом рейхслайтер всего лишь зондировал почву: собирается фюрер перевозить свои чемоданы в «Бергхоф», или же можно занимать это «Орлиное гнездо» самому, пока не налетели остальные коршуны?

Впрочем, сути дела это не меняло. Скорцени прекрасно понимал, что вопрос о дальнейшей ставке фюрера, а значит, и штаб-квартире Верховного командования, следовало решать на каком-то государственного уровня совете высших должностных лиц, а не затевать дворцовые интриги с привлечением имперских наложниц.

– Я пытался использовать любые подходы к фюреру, – покаянно произнес Борман, грузной, неуверенной походкой возвращаясь к столу. Это была походка крестьянина, который, оставив плуг посреди поля, возвращается домой по свежей пахоте. – Мы теряем время, Скорцени. Мы его катастрофически теряем.

– Боюсь, что мы его уже окончательно потеряли, рейхслайтер, – сказал обер-диверсант рейха и, вскинув руку в прощальном приветствии, оставил кабинет.

18

Генерал Штубер почему-то до последней минуты надеялся, что тот Арнольд Гредер, которого он «имел честь знать», давно сгинул где-то в гибельных водоворотах Восточного фронта; оказался в числе заговорщиков, казненных после 20 июля, или же попросту растворился в давних преданиях, как, в конечном итоге, растворяется всякое кошмарное видение.

Но вот Гредер появился – все такой же приземистый, немыслимо широкоплечий, с красновато-серым, цвета пережженного кирпича, лицом закоренелого гипертоника и короткими, по-монгольски кривыми ногами... Беззаботно наглый и целеустремленно-циничный. И стало ясно, что даже самые эфемерные призраки имеют обыкновение материализовываться и возвращаться.

– Когда меня назначали в этот регион, мне и в голову не приходило, что где-то в нем находится древняя обитель саксонского вольномыслия, именуемая «замком Штубербург»! – Барона всегда шокировала развязность его манеры общения, его феерическое многословие и полное пренебрежение к тому, как на его словесное невосдержание реагирует собеседник – независимо от его возраста, чина и статуса. – Кто бы мог предположить: тонут непотопляемые «Титаники», взрываются самые безопасные в мире дирижабли, рушатся доселе несокрушимые империи, и только символы аристократической саксонской гордыни по-прежнему высятся посреди руин рейха, совершенно безразличные к его судьбе!

– Ведете вы себя, полковник, как всегда, нагло, – без какого-либо раздражения комментировал его очередной «дикий монолог» генерал Карл фон Штубер. – И только потому, что в стенах замка вам предстоит встреча с моей гостьей, я великодушно прощаю вашу «пролетарскую», как любят выражаться по этому поводу германские коммунисты, простоту.

– Да, господин отставной генерал-майор, да, согласен! Эта мрачная история с гибелью дирижабля «Гинденбург» не придала нашему знакомству той почти венценосной изысканности, с которой вы привыкли встречать в залах замка своих высокородных гостей.

– Сегодня мы с вами не будем обсуждать нюансы гибели «Гинденбурга», – все еще довольно терпимо, но уже предельно сухо произнес барон.

– Странно, господин барон, странно. Расследование по этому делу то закрывали, то возобновляли; менялись версии, мнения и состав комиссии, но вы, именно вы, господин Штубер, всегда оставались ярым приверженцем того, что источником всех бед нашего «Гордого ангела» является падший ангел, именуемый Арнольдом Гредером. Но фюрер, мудрый фюрер!. Он, как всегда, не принял благого жертвоприношения недоброжелателей, а предпочел заглянуть в сущность явления...

– На то он и фюрер, – благоразумно пожал плечами барон.

О склонности Гредера к подобным «диким монологам» Штубера предупредили сразу же, как только он приступил к расследованию гибели дирижабля. Особенно развязными они стали после того, как фюрер лично вывел начальника службы безопасности «Гинденбурга» из-под секиры безжалостной фемиды. Но странно, что после первой волны невосприятия, к Штуберу пришло понимание того, что в случае с Гредером выражение «Вся жизнь – игра» в самом деле приобретает какой-то особый смысл, некое особое звучание и воплощение. Арнольд действительно всю свою жизнь играл, возможно, даже не подозревая, что играет, причем делает это великолепно, естественно, не впадая ни в излишнюю театральщину, ни в опошленную любительщину.

– Но позволю себе напомнить, господин генерал, при каких обстоятельствах это произошло. Однажды, в очередной раз выслушав доклад следственной комиссии, в которую входили и вы, фюрер сделал то же самое, что сделал бы на его месте я: он грохнул кулаком по столу и заорал: «Сейчас мне ясно только одно – что в катастрофе с дирижаблем мы опозорились

в глазах не только наших потенциальных противников, Соединенных Штатов, но и в глазах всего мира! Если уж мы оказались в состоянии создать такой гигантский воздушный корабль, то надо было позаботиться о его охране!». И тогда Геринг, пытаясь отвести гнев от себя и своих подчиненных, заявил: «Но ведь охраной занималась СД, а расследованием занимается гестапо. Кстати, за его безопасность отвечал лично штурмбаннфюрер СС, он же сотрудник службы безопасности СС Арнольд Гредер». Ну а как отреагировал на это его обвинения фюрер, вам уже известно.

– Коль уж вы напомнили мне об этом расследовании, то могу заметить, что после такого проявления служебной халатности, допущенной вами в чине майора СС, у вас не должно было появиться никаких шансов стать полковником.

– Не поверите, генерал, но я только то и делаю, что брюзжу по поводу того, что засиделся в полковниках.

– Однако вершиной ваших мечтаний была должность командира дирижабля «Гинденбург». С того самого дня, когда вас как начальника службы безопасности ознакомили с фешенебельными каютами пассажирской гондолы, вы буквально заболели этой идеей. Мало того, у вас сложились откровенно натянутые, почти недружелюбные отношения с командиром дирижабля Марксом Пруссом, умершим затем от ожогов, полученных во время катастрофы «Гинденбурга». Причем натянутость появилась после того, как вы поняли, что сместить Прусса вам не удастся, поскольку это был человек Геринга.

– Мне понятно, к чему вы клоните, барон. Что у меня был мотив для того, чтобы в отношении дирижабля поступать по принципу: «Или мне, или никому!». Такой мотив у меня в самом деле появился, а вот дирижабль погиб, скорее всего, от возникшего на его борту электрического разряда. И достаточно об этом.

– Как хотите. Инициатором этих огненных воспоминаний были вы, Гредер.

– Но возникает нюанс: в сорок первом о гибели дирижабля мне напомнил некий оберштурмфюрер Вилли фон Штубер, который оказался вашим сыном. И было это уже в России, на берегах Днестра, где уже я сам вел расследование по поводу того, почему, проходя территории врага, наши войска оставляют после себя целые полчища окруженцев, дезертиров и партизан.

– Знаю, полковник, уже знаю..

Со временем барон лишь основательнее убеждался, что, предаваясь своим «диким монологам», Гредер способен был, талантливо, почти изысканно импровизируя, воплощаться в образе кого угодно: безжалостного садиста, непобедимого полководца, кровавого диктатора или избалованного философа-аристократа... Кто-то мог улавливать в этих его экзальтациях легкое пародирование дуче Муссолини; кто-то с ужасом обнаруживал в его выходках отзвуки программный речей фюрера, но при этом мало кто решался комментировать, а тем более – осуждать поведение этого человека.

– Так где эта ваша русская пленница, барон? – артистично осмотрелся Гредер, оказавшись посреди гостиной. – Я вижу, среди аристократов, особенно прусских, становится модным принимать у себя русских красавиц, и просто русских. Причем, чем ближе русские танки подходят к Берлину, тем традиция эта становится все более навязчивой.

– Вы конечно же прежде всего имеете в виду все более затягивающиеся встречи фюрера с русской актрисой Ольгой Чеховой... – иезуитски улыбнулся Карл фон Штубер. – Кстати, больше всего комплиментов эта русская удостоилась за исполнение роли какой-то казненной польской партизанки в одном из германских фильмов. Заметьте: польской партизанки⁴⁰. Вы об этом разве не знали?

⁴⁰ Имеется в виду роль, которую Ольга Чехова, вскоре ставшая любовницей Гитлера, исполняла в фильме «Пылающая граница». С комплиментов по поводу исполнения этой роли, а также по поводу ее эстрадных выступлений, и началось близкое знакомство Адольфа с Ольгой во время их первой встречи.

Действительно, для многих так и оставалось загадкой отношение фюрера к этому, ранее совершенно не знакомому офицеру. Всем было ясно: при любом выводе следственной комиссии, начальник службы безопасности дирижабля должен быть наказан. Хотя в каком-то виде. Ну, в крайнем случае его действия должны были вызвать раздражение у всех, вплоть до фюрера.

Каковым же было удивления всех, когда в присутствии всей своей придворной свиты и целого ряда других чинов фюрер резко предупредил Геринга, членов комиссии, представителей СД, гестапо и прочих служб: «Гредера, этого офицера СД, не трогать! Почему все расследование сводится к доказательствам нерадивости Гредера? Или, может, это он взорвал ваш дирижабль? Нет? Тогда в чем дело?! Я лично беседовал с Гредером и требую, чтобы этого офицера СД оставили в покое!».

Это требование самого фюрера: оставить в покое офицера службы безопасности СС, отвечавшего за безопасность дирижабля, повергла все его окружение в шок. Каждый задавался вопросом: «Что же такое должен был высказать, как повести себя, к каким формам убеждения прибегнуть этот выскочка Гредер во время своей „личной беседы с фюрером“, чтобы теперь не только уйти от ответственности за гибель гордости рейха, но и до конца дней своих заручиться неприкосновенностью?»

– Увлечение фюрера Ольгой Чеховой, как, впрочем, и самим Сталиным, – ввинчивался тем временем Гредер в очередной виток «диких монологов», – которому он старается подражать, это особая тема. Во время моей личной беседы с фюрером...

– О вашей личной беседе с фюрером, – неожиданно донесся ироничный голос Софи Жерницки, перед которой ординарец генерала открыл дверь в гостиную, – нам уже все известно. После надежной охраны невеста почему взорвавшегося дирижабля «Гинденбург», вам теперь поручили охранять меня, еще более взрывоопасный объект? Я верно поняла?

Сапожки с явно завышенными каблуками, точеная талия под тщательно подогнанным френчем, белозубая улыбка и золотистая прядь волос под пилоткой.

– Почти, обер-лейтенант, – слегка колеблясь, признал Гредер, не в состоянии оторвать взгляда от идущей к нему через зал приветливо улыбающейся женщины.

– Уже гауптман. Приказом по штабу Геринга. Не успела сменить знаки различия, но это существенно. Как видите, не вы один засиделись в своем прежнем чине.

– Очень приятно, гауптман.

Арнольд хотел сказать еще что-то, однако Софи не давала ему возможности перехватить инициативу.

– Если вы считаете, что намерены поведать мне что-то слишком секретное, можем пройти в соседнюю комнату. Если же ваша информация заключается в сообщении о моей поездке в Швейцарию, то можете не утруждать себя: завтра я лечу в Вену, оттуда – в Берн. Конечно, многими Швейцария воспринимается сейчас, как ареал всемирного шпионажа, где все чувствуют себя на нейтральной территории, но люди науки и искусства, к коим я отныне принадлежу, шпионскими страстями обычно не интересуются.

Взирая на растерянное лицо Гредера, барон мстительно улыбался: Софи использовала против мастера «диких монологов» его же оружие.

– У меня есть поручение Скорцени. Нам нужно серьезно поговорить.

– Правда? Как мило. А то ведь, исходя из того словесного потока, который вы только что здесь выплеснули, у меня, господин штандартенфюрер, создалось впечатление, что вы пришли сюда с совершенно иными намерениями. И пожалуйста, впредь прошу не распространяться обо мне, как о русской пленнице, беженке и все такое прочее.

19

Едва Софи произнесла это свое: «Впредь прошу не распространяться обо мне, как о русской беженке», как вновь ожил телефон. Она вопросительно взглянула на барона и вежливо улыбнулась, но тот молча кивнул, разрешая поднять трубку.

– Здесь гауптштурмфюрер Родль, адъютант Скорцени, – услышала мягкий, слегка бархатистый голос, доносившийся из Берлина. – Кто у телефона?

– Гауптман Софи Жерницки.

– Даже так? Уже... гауптман?

– Вы радуетесь моему чину или мне?

– Я всегда радуюсь вашему чину, вашей талии и всему вашему обаянию, – протараторил Родль, давая понять, что сейчас не время для обмена комплиментами.

– Тогда слушаю вас, лучший из адъютантов рейха. Очевидно, вам нужен генерал фон Штубер?

Титулом «лучший адъютант рейха» она наделила Родля еще во время их первой встречи в замке Фриденталь. Тогда их знакомство чуть было не закончилось страстными объятиями в каком-то закутке, но им помешал невесть где зародившийся «тевтонский рык» Скорцени: «Адъютант, черт возьми! Куда запропастился мой адъютант?! Полцарства за пройдоху-адъютанта!». И каким же неадекватным был этот обмен: полцарства за потерянного в минуты высшего женского вожделения мужчину!

– Пусть простит нас отставной генерал, но мне как раз нужны вы, гауптман Жерницки.

– Не сомневаюсь в этом, – с томным придыханием произнесла Софи, покачивая русой головкой.

В конце концов не она ткала вокруг себя эту бесконечную, зыбкую паутину казарменного флирта; не она пыталась превратить каждую более или менее уединенную встречу с мужчиной – в походный вариант сексуальной близости. Другое дело, что она – «бедная, кроткая и почти беззащитная женщина» – всячески пыталась использовать и этот окопный флирт, и эти тыловые интимные заезды фронтовиков... Но тут уж пусть ей простится, как и должно прощаться воистину кроткой и беззащитной..

– Сейчас с вами будет говорить Скорцени.

– Как и следовало полагать, – сказала Софи и, взглянув на приблизившегося барона, объяснила: – Это меня, господин генерал. Как всегда: Берлин, Скорцени, словом, дела, дела..

Это свое «как всегда» она произнесла исключительно для Гредера, и барон понял ее правильно. В противостоянии любителю «диких монологов» они теперь выступали единым фронтом.

– Софи! – раздался в трубке такой камнедробильный теvтонский рык, что женщина поневоле отшатнулась. – Вы – та единственная женщина, которая мне сейчас нужна. Причем срочно.

– Наконец-то посреди всего этого варварства я слышу голос истинного мужчины.

– Штандартенфюрер Гредер с вами уже беседовал?

– Гредер? – коварно взглянула на штандартенфюрера, нервно поправлявшего портупею. – Давно здесь, но к разговору пока что не приступал. Предпочитает длительные предисловия и душеспитательные воспоминания.

– Уж не о том ли, как по его милости был уничтожен лучший в мире дирижабль «Гинденбург»? – взревел обер-диверсант.

– Как раз рассказами о дирижабле он нас и забавляет, – пошла ва-банк Софи, понимая, что непростительно зарывается, все же речь шла о штандартенфюрере. Единственное, что

ее оправдывало, так это твердое решение: «Все равно этого наглеца следует убирать. Любым доступным способом». – Кстати, он находится рядом, дать ему трубку?

– Не надо! – вновь рявкнул Скорцени. – Передайте ему, пусть уже не теряет времени, а немедленно садит вас в машину и доставляет в Берлин, ко мне, в известный вам отдел известного управления. Срочно. И под охраной. Учтите, что после беседы сразу же улетаете в Вену.

– И лететь нужно вместе с господином Гредером? – тон, которым был произнесен этот вопрос, не оставлял сомнения в том, как она воспринимает перспективу совместной командировки куда-либо с этим служакой. Видно, Скорцени уловил это.

– Нет, – жестко отрубил он после секундной заминки. – Летите одна.

И Софи не усомнилась в том, что это «нет» рождено было только что, под впечатлением разговора с ней.

Положив трубку, гауптман смирила штандартенфюрера сочувственным взглядом и победно ухмыльнулась. «А ведь он панически боится Скорцени, этот... болтун, – поняла Софи, даже не желая анализировать свое поведение во время разговора с обер-диверсантом рейха. – То, что его придется убирать отсюда, – уже несомненно. Вопрос лишь в том, когда, как и чьими руками следует это сделать?».

– Если я все верно понял, моя поездка в Вену отменяется? – натужно подвигал нижней челюстью Гредер.

– Естественно. СД не решается оставлять столь важный район без офицера, способного обеспечить его безопасность.

– Иронизируете, Софи...

– А я всегда так поступаю, когда разговор со мной начинают не с того, с чего следовало бы.

– Вы попросту не поняли меня, фрау Жерницки. Наша полемика с бароном по поводу гибели «Гинденбурга» – давнишняя история.

– Мне это известно.

– И никакого отношения к вам, к тому разговору, который намечался...

– Все, господин штандартенфюрер, все, – с лихостью, достойной очередного «дикого монолога», одернула она Гредера, – дипломатический раут завершен. Машину, охрану и... в Берлин. И не вздумайте утомлять меня в дороге своими «дикими монологами», которые рано или поздно погубят вас. Уж поверьте мне, как потомственной ведьме-гадалке: неминуемо погубят. С нетерпением жду, когда ваш «рыцарский конь» заржет у ворот замка Штубербург.

20

До Оберзальцберга Штубер добрался уже к тому времени, когда Борман находился в летней резиденции фюрера «Бергхоф». Рейхсляйтер стоял на специально для него очищенной от снега видовой площадке и мрачно осматривал заледенелые после недавней оттепели окрестные горы, лишь время от времени бросая взгляд на расцвеченную зеленоватыми проталинами долину, словно коршун, предававшийся не столько охоте, сколько вольному парению над давно отвоеванной для себя территорией.

– Прибыл временный комендант «Альпийской крепости» штурмбаннфюрер Штубер, – решил наконец нарушить его созерцание лейтенант Гельмут фон Гиммель⁴¹, исполнявший при Бормане должность не то адъютанта, не то личного секретаря.

Вот только сделал это Гельмут лишь минут пять спустя после того, как, пройдя через несколько постов, барон фон Штубер оказался у площадки, рядом с самой резиденцией фюрера.

– Временный комендант, временное убежище, временный рейх, – не оглядываясь, проговорил Борман, опираясь руками о каменные перила площадки. – Не то, не впечатляет. Все исключительно временное, и все – на обломках тысячелетней империи, которую мы так долго и упорно строили.

– Забыв при этом древнюю истину, согласно которой вечных империй не бывает, – заметил Штубер, которому уже надоело стоять позади рейхсляйтера, словно в свите творящего утреннюю молитву папы римского.

Борман и повел себя так, словно его и в самом деле оторвали от служения молебна. Массивный затылок его, лишь слегка прикрытый ободком фуражки, натужно побагровел, и он медленно, по-волчьи, всем туловищем развернулся в сторону Гиммеля и Штубера, с яростно застывшим на широком мясистом лице вопросе-окрике: «Это кто тут посмел?!».

– Но ведь во имя чего-то же мы все это создавали, – мрачно проговорил он, с такой тягостной гримасой, словно только что у него вскрылась язва желудка.

– Во имя того, чтобы многие поколения потомков наших задавались тем же недоуменным вопросом: «А ради чего все это было сотворено?!».

– Не то, не впечатляет, – грубовато возразил Борман. Голос у рейхсляйтера был хриплым, прерывистым. Он говорил с таким надрывом, словно каждое слово ему приходилось зарождать в глубинах своего взрывного, астматического дыхания. – Неужели это все, к чему мы в конечном итоге придем?

– «К лету сорок первого, – будут терзаться событиями нашей истории исследователи-потомки, – они уже обладали империей, которой не было равной по мощи за всю историю цивилизации – огромной, экономически процветающей, до зубов вооруженной. Чего им еще не хватало? Нет, действительно, – будут изумляться грядущие поколения германцев, пораженные утраченными нами возможностями, – зачем нужно было идти против России?».

– А как с идеей жизненного пространства? – исподлобья смерил его подозрительным взглядом Борман. – Нет, что-то вы не то говорите, Штубер. Не впечатляет.

«Если так пойдет и дальше, то через пару минут рейхсляйтер обвинит тебя в поражении и предательстве», – сказал себе барон, вспоминая, что вообще-то он диверсант, а не университетский полемист. Тем не менее остановиться так и не смог.

⁴¹ Барон Гельмут фон Гиммель – личность реальная. Он был настолько состоятельным человеком, что после войны в стене подвала архиепископского дворца в Зальцбурге был обнаружен клад с его собственными сокровищами, поражавшими своей стоимостью. Спрятал он их как раз во время создания «Альпийской крепости». Он же принимал участие в создании тайников сокровищ нацистской партии (НСДАП), которую возглавлял заместитель фюрера по партии Мартин Борман.

– Тогда почему они так легкомысленно ринулись в гибельные предазийские степи, – задается вопросом наши с вами, господин рейхсляйтер, предки, – вместо того, чтобы постепенно, где силой оружия, а где хитростью дипломатов приращивать все новые и новые территории? Что они там искали? Еще год-полтора бурного развития рейха, и подневольные колхозные народы сами разнесли бы в клочья империю Кровавого Кобы. Одна Польша давала нам столько жизненного пространства, что его хватило бы на две империи.

Борман неопределенно как-то побряхтел, с тоской оглянулся на открывавшийся с площадки склон горы, словно кто-то прервал полет, и хрипло, не только Штуберу, но и самому себе, напомнил:

– Все мы в конечном итоге доверились провидческому гению фюрера. Но я помню, что сугубо философский диспут этот затеял я, а не вы, – решил подстраховаться опытный партработник. – Хотя, в общем – все не то, не впечатляет. А что вы бездельничаете, лейтенант Гиммель? – воззрился на него Борман, вспомнив, что адъютанту при подобных беседах присутствовать не положено. – Вы разыскали коменданта подземной части ставки?

– Он ждет нас у входа в охранную зону бункера.

– Тогда почему не докладываете? Вам приходилось когда-либо бывать в подземных апартаментах фюрера, Штубер?

– Никогда. В наземных тоже.

– В наземную ставку, в апартаменты фюрера, мы не пойдем. Только в присутствии фюрера. Он очень не любит, когда в его кабинет и в другие комнаты вторгаются в его отсутствие. Да и кому это понравится?

– К тому же сейчас там находится фрау Ева, – добавил еще один штрих адъютант.

– А вот наша альпийская Вальгалла – это впечатляет. Как никто другой, вы, Штубер, должны это видеть. Там целый подземный город, со всеми автономными службами обеспечения.

– Я прибыл сюда из известного вам «Регенвурмлагеря», господин рейхсляйтер, – напомнил ему барон, – из подземной «СС-Франконии», огромного подземного города.

– И все же «Регенвурмлагерь» – не то, – скептически покачал головой Борман. – Не впечатляет. И строить его следовало здесь, рядом с «Орлиным гнездом» фюрера. А вот, что мы все же успели создать в подземельях «Бергхофа» – вам, барон, еще только предстоит увидеть.

Штубер знал, что именно Борман занимался обустройством здесь летней резиденции фюрера, именно он осуществлял общее руководство всеми работами по созданию подземного «Орлиного гнезда» фюрера.

Усадив Штубера к себе в машину, рядом с Гиммелем, рейхсляйтер для начала приказал водителю объехать всю «зону фюрера», то есть закрытую зону площадью более десяти квадратных километров, границы которой он сам когда-то определял и которые были обнесены теперь тройными рядами колючей проволоки и укреплены дотами.

– Дотов явно недостаточно, – признал Борман, когда они свернули с одной из двух шоссейных дорог, с разных концов проложенных в «зону фюрера», – это очевидно. Мы создавали эту зону в мирное время, когда ставка находилась в глубоком, надежном тылу. И теперь не то, не впечатляет. А вас, штурмбаннфюрер?

– Мы сформируем отдельный саперный полк специального назначения, который будет заниматься исключительно укреплением этой зоны, превращая ее в центральный укрепленный район всей «Альпийской крепости». Со временем этот полк волеется в состав гарнизона «фюрер-зоны» и будет использоваться, как для обороны, так и для ремонтных работ после вражеских бомбардировок.

– Предельно четко, – сдержанно похвалил его Борман. – Именно так и действуйте.

На одном из изгибов горного шоссе они вышли из машины. Внизу перед ними, на некогда просторном горном лугу, виднелись новые малоэтажные постройки – одинаково белые, невзрачные, какого-то полужарменного типа.

– Вот это уж действительно не впечатляет, – проворчал Штубер, всегда остававшийся приверженцем старой, классической архитектуры.

– Зато здесь предусмотрено все: отели, многоквартирные дома для офицеров охраны, – бросился спасать ситуацию лейтенант Гиммель, опасаясь как бы прямолинейность штурмбаннфюрера не вывела рейхсляйтера из себя. Уж он-то хорошо знал, что, при всей своей кажущейся медлительности, порой даже переходящей в некую заторможенность, и столь же кажущемся добродушии, Борман способен взрываться порой совершенно из-за пустяка. И хотя затем он довольно быстро остывал и особой мстительностью не отличался, тем не менее в гневе он был страшен. – А вон там, в здании, слегка напоминающем кирху, разместился кинотеатр, рядом – почта, чуть ближе к горе – детский садик, а в противоположной стороне – офицерская столовая, которая по вечерам превращается в ресторан.

– Если уж мы принимаем решение сражаться до последней возможности, – осмотрел Штубер гарнизонный поселок взглядом полевого командира, которому уже завтра придется сражаться в нем в полном окружении, – то каждое здание должны превратить в опорный пункт: двери и окна переоборудовать в амбразуры. Некоторые здания следует сгруппировать и охватить окопами, а на отдельных участках – и противотанковыми рвами. Нужно немедленно отселить мирное население, а всех способных держать в руках оружие поставить в строй, невзирая на вердикты медиков. Значительную часть территории превратить в минные поля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.